

Патьяна Алюшина

Крымский роман

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина
Крымский роман

«ЭКСМО»

2014

Алюшина Т. А.

Крымский роман / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2014 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-76697-0

С Антоном Наталья встретила в Крыму, сам воздух которого, кажется, напоен любовью. Оба поняли, что то, что происходит между ними, – настоящее, то, от чего не отказываются. Но Антон прибыл сюда не просто так – у него сложное и опасное задание. Может ли он рисковать жизнью только что обретенной любимой? Как бы там ни было, Ната и сама способна принять решение. Ранее роман выходил под названием «Время для наград»

ISBN 978-5-699-76697-0

© Алюшина Т. А., 2014

© Эксмо, 2014

Татьяна Алюшина

Крымский роман

*Посвящается моей бесконечно любимой маме Нине Ильиничне,
чье мужество, терпение, умение отдавать любовь и неиссякаемый
оптимизм поражают и вдохновляют меня всю жизнь*

© Алюшина Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Только поставив машину на платной стоянке и получив квитанцию, Наталья с удивлением обнаружила, что приехала намного раньше, чем рассчитывала, – до прибытия поезда оставалось еще целых сорок минут.

Ну, сорок так сорок! И хорошо, подумалось ей, передохнет от дороги, от руля, получит передачу и – к маме в больницу.

Это она от мыслей непростых и тревожных неосознанно всю дорогу держала приличную скорость, вот и долетела до Симферополя – и не заметила как.

Ну, еще бы не мысли и переживания! Куда от них денешься-то?!

«Ладно, ладно, – вздохнула она, успокаивая себя. – Самое страшное уже позади – операция для мамы прошла успешно, а это самое главное».

Ната отошла от шумного и суетливого вокзала по прилегающей к нему улочке, зашла в небольшое уютное кафе, устроилась за столиком у окна, заказала поспешившей подойти к ней милой молоденькой официантке капучино. Официантка отошла, а Ната посмотрела в окно, мимо которого в деловитой торопливости прошествовала девушка. Чемодан, который она везла за собой, отстукивал своими колесиками по брусчатке какую-то веселую, бодрую мелодию о странствиях и радостных встречах в конце пути.

Ната улыбнулась, поймав себя на мысли, что немного завидует этой девушке, спешащей на поезд. Даже не завидует, а испытывает некую грусть и сожаление, которые иногда чувствуешь, когда кто-то близкий или знакомый уезжает далеко, весь уже переполненный дорогой, ожиданиями радостных встреч в конце пути, а ты остаешься...

Э-эх! Сейчас бы сесть в поезд – и домой!

Так хочется домой, порой просто непереносимо, до слез! Хотя бы на денек-другой! От всех переживаний и тревог последних непростых недель, от бурлящей переменами новой жизни, новой истории и восторженных ожиданий Крыма...

– Ваш кофе, – вернула ее в реальность официантка, поставив перед ней блюдце с чашкой капучино и мило улынувшись.

– Благодарю, – улыбнулась в ответ Наталья.

Она сделала глоток кофе, снова посмотрела в окно, вздохнула и усмехнулась: «Какой поезд? Ты смеешься? Все самолеты, самолеты... Когда ты последний раз на поезде-то ездила?» – скептически поинтересовалась она у себя.

И вдруг...

Словно окатило теплой, нежной волной, и мурашки побежали по позвоночнику и рукам, и зазвучала откуда-то музыка летнего отпускного счастья...

Ната осторожно поставила чашку на блюдце, возвращаясь в прошлое.

Воспоминания накрыли ярко, мощно, ослепив бликами солнечных зайчиков от морской волны того лета. Последний раз она ездила на поезде именно тогда – одиннадцать лет назад. Одиннадцать!..

Почти одиннадцать – сейчас март, а тогда было лето.

«Одурающе пахло сиренью, ну просто одурающе...

Этот запах сопровождает меня всю жизнь. В детстве это был аромат тайны, потому что мы прятались в огромных кустах сирени, когда играли в казаки-разбойники.

Сад, в котором проходило мое детство, был совершенно сказочным – огромный, заросший, запущенный сад позади старой купеческой усадьбы. Усадьбу с особым социальным рвением благополучно превратили во множество коммунальных квартир, но сад... Сад коммунальным сделать, видимо, не удалось.

Дети считали его своей вотчиной, своей тайной, полной неожиданностей и чудес. Там находились совершенно секретные, затерявшиеся в глубине сада места, о которых даже и не подозревали взрослые. Там располагался наш штаб. Там мы наслаждались отдохновением от контроля, нашей тайной, нашим прибежищем.

Господи! Что только мы не постигали в том саду! Это было абсолютное счастье свободы: никто – ну просто никто! – не знает, где ты, и только тебе решать, когда выйти из тайного штаба и выходить ли на призыв мамы. И что будет, если сделать вид, что не слышал, как тебя зовут? И вот еще чуть-чуть, ну еще минутку посижу – и выскочу победителем. Потому что я, только я решила, что пора выходить. И от этого я такая большая и значимая. Конечно, я то и дело получала нагоняй и: «Сколько можно тебя звать!» Но все-таки только я да еще пара моих друзей знали про это тайное место. И совершенно неважно, что нас ругали, да и ругали вяло как-то – ведь главное: нашли и ребенка домой загнали!

Они и не догадывались, что сама, сама решала найтись!

А в саду все такое шуршащее, все сказочно, по-взрослому важно – и большой секрет, и тайный сбор, и глобальные проблемы маленького возраста.

Ах! Как же это было прекрасно!

Лето, солнце, запущенный купеческий сад, огромный, как мир. Засыпанный землей фонтан, дорожки в никуда, а впереди – целое огромное лето, качели, старые сараи, велосипеды, важнейшие детские проблемы и запах сирени. Запах счастья – даже не счастья, а того, что гораздо, гораздо лучше – преддверия лета, беззаботности, солнца, свободы и тайны будущего.

Потом этот запах настиг меня в больнице, после операции.

Я никак не могла открыть глаза после наркоза, но мне отчего-то было так радостно, так легко. И совершенно непонятно, что ж такого замечательного в моем пробуждении?

Ведь вроде все очень больно и трудно, и невозможно двигаться – но тогда откуда это ощущение полного счастья? А когда открыла глаза – поняла: палата залита южным солнцем, светившим сквозь незашторенное окно, и все видимое пространство уставлено букетами с сиренью...

Это была царица всех сиреней – огромные темно-фиолетовые цветы и белые махровые ветки. Они пахли так сказочно, так празднично, что затмевали мысли о боли, об операции. Наверно, даже о прошлом.

Это был запах детства, тайны, счастья, преддверия лета, перемен – всего самого лучшего в жизни.

Одурающе, просто одурающе пахло сиренью, и когда я расставалась с ним.

Мне казалось, что уж сирень-то меня никогда не подведет, это постоянная устойчивая величина, которая ассоциируется со счастьем, вернее – с преддверием счастья.

И вдруг!

Ну почему сирень, господи?! Все было так хорошо в моей жизни с этими цветами... так почему именно сирень? Неужели теперь всю мою жизнь она будет нести ощущение несчастья и потери всего: любви, мужчины, прошлой жизни, будущего?..

Ну, господи, боже мой! Почему именно сирень?!

Он знал, конечно, он знал, что больше всех цветов на свете я люблю сирень. Я миллион раз ему это говорила и рассказывала о детстве, о купеческом саде, о тайных местах, об ощущении будущего счастья...

В тот день, когда мы расстались, он принес мне сирень. Огромный букет крупной южной темно-фиолетовой сирени. Только теперь мне казалось, что она пахнет как на похоронах. Ну конечно – это ведь я ухожу от него, а не он меня выталкивает из своей жизни, всеми правдами и неправдами сделав мое существование совершенно непереносимым, потому что прогибаться дальше под него – это уже уровень половой тряпки.

Как трудно, как страшно принимать такое решение, когда ты на грани: либо – либо.

Да, да, конечно, все, что можно было выдержать, я выдержала.

Мы ведь, женщины, такие терпеливые, такие понимающие!

И трудности начального периода, и «квартиплата пополам», и ужасы потери первых тяжело заработанных денег, и макароны день за днем, разве что не торты из макарон, потому что ни на что другое нет денег! И его сопли и пьянки от страха перед «завтра деньги отдавать», и болезни, и переломы, и дешевую колбасу, и одни всесезонные колготки...

А дальше – еще интересней. Первые победы и первый отдых в третьесортном отеле в Турции, и первая битая-перебитая десятилетняя машина, и ужасы съемной дешевой квартиры.

Мои бухгалтерские балансы и бессонные ночи ради спасения бизнеса – когда ты спишь, заглушив страх водкой, а я сижу всю ночь и рисую схемы, и считаю цифры, и наутро, одурев от кофе и сигарет, – нахожу!

Нахожу выход из тупикового, казалось бы, положения.

Первые надутые щеки – «я заработал!», и «я не могу платить тебе зарплату, ведь ты моя жена, и потом – свою зарплату ты проедаешь». Первая командировочная заграница и первый контракт, который я считаю и стыкую до зеленых чертей в глазах, пока ты спишь, отметив успех алкогольными возлияниями. Первый костюм от «Хьюго Босс» и мои уговоры его купить, а потом и надеть. И твое: «Не могу с ними пить и общаться – они все такие крутые, а я чувствую себя кретином!» И мои долгие монологи – миллион слов о твоей неординарности, уме, выносливости, изворотливости, черт знает еще о чем, только бы поднять тебя с дивана! И твое победное: «Ты не представляешь, они как дети – стадо идиотов, я сделал их на раз-два!»

Первый срыв с «больших» денег – и неделя запоя, и снова мои бесконечные «ты самый...». И снова – раздувание щек, и первые личные вложения, и праздник с друзьями по этому поводу. Три дня: застолье – застолье – застолье! Это у тебя. А у меня посуда – плита – посуда. И утро четвертого дня: «Ну видишь, ты же самый-самый...»

Дефолт – и, конечно, твоя паника: все, все пропало!

Мои уговоры: ничего не пропало, осталось это, это, то и то...

Это поправим, от этого откажемся, затянем пояс, поживем у мамы, не будем снимать квартиру, поедим макароны.

И снова цифры по ночам, цифры, а утром: смотри, мы вылезем!

И вылезли, вылезли, и ничего не надо начинать сначала – там подтянули, здесь урезали; нет худа без добра – после дефолта многие конкуренты отпали.

И мы снова прорвались, да еще как!

Снова победа, и обороты, и экономия на всем, по большей части – на мне.

И вдруг твое: «Я крутой!»

Да, крутой, а я? А ты делай теперь так и так, нет – это плохо, делай лучше, лучше. Это уже не так вкусно, это не вовремя, и вообще «прав всегда только я» – и так по нарастающей!

И ночи без сна у темного окна: «Что я не так сделала? Господи, ведь невозможно терпеть!» И все, нет сил, и выбор: либо лечь без боя и становиться ошметком при «начальнике всей твоей жизни», либо уходить.

И понимание: на самом деле выбора никакого и нет, да никогда и не было.

И конечно же: «Ты решай, но ничего не получишь – все мое!»

И букет сирени.

Господи! Но почему, почему сирень?!»

Сильно дернуло вагон, и Наталья выскочила из своих грустных мыслей.

«М-м-да, дорога. Задремала, и все это предательски сразу полезло в голову. Ну кого и в чем я обвиняю?! В любом случае это мое решение. Что вначале – жить с этим человеком, строить жизнь с ним, что в конце – расстаться, построив и оставив ему жизнь и бизнес. Я могу тысячу раз говорить себе, что он не виноват. Я могу тысячу раз обвинять себя и сомневаться в правильности решения. Я могу охрипнуть нутром и горлом, утверждая, что сама, сама виновата. Но я обвиняю его и не могу остановиться. Господи! Ну сколько можно ходить по кругу. Все понимая, оставаться там же, где и была?! И вообще – какого хрена сирень!..

А, собственно, откуда запах?»

Она повернулась лицом к купе.

На столике стоял букет сирени в обрезанной пластиковой бутылке из-под минеральной воды. Наталья занимала верхнюю полку, и здесь, наверху, запах цветов чувствовался особенно сильно. Рядом с букетом сияла лучезарная улыбка девушки лет семнадцати.

– Здравствуйте, а мы ваши соседи, мы с мамой только что сели, в Туле. Давайте познакомимся. Я – Даша, а это моя мама – Устинья Васильевна, – она указала рукой на весьма полную даму в спортивном костюме веселой расцветочки, – мы до Джанкоя, к родственникам. А вы?

«Прелестно, сейчас в самый раз», – вяло подумала Наталья.

– Давайте чай пить, – предложила Устинья Васильевна, – четвертого попутчика у нас пока нет. А вы из Москвы едете?

«Как будто можно ехать откуда-нибудь еще – поезд московский, и первая остановка – Тула», – поворчала про себя мысленно Наталья.

– Да, – наконец соизволила ответить она.

И бочком, чтобы не задеть цветы, накрытый к чаю стол и новых пассажирок, начала сползать с верхней полки. Схватила сигареты, промямлив что-то типа «я сейчас», натянула пляжные шлепки, служащие в поезде тапками, и, непонятно почему смущаясь, выскочила из купе.

В тамбуре никого не было.

Прикулив, она обнаружила, что руки трясутся вместе с поджилками.

«Да что, собственно, такое?! Ну было, да времени-то сколько уже прошло. Сколько? Три года? Да, три, даже больше. Ну, и чего тебя проняло? Ты ведь умная. Про свою жизнь ты все уже поняла. Что это ты вдруг? Это просто поезд. Здесь как-то особенно ощущается одиночество: никто не провожает, никто не едет с тобой, никто не встречает – все сама. Ну и что? В первый раз, что ли?! Надо было читать до опупения жизнерадостную Донцову, а не задремывать под стук колес».

Наталья устала в грязное оконце на пролетающий мимо пейзаж, не видя ничего, стараясь изгнать из сердца тоску и жалость к себе.

«Пойду пить чай с попутчицами! И все, все, хватит».

Затушив сигарету, она «очень решительно», как пишут в романах, взялась за ручку двери. В это же мгновение дверь дернули с другой стороны – не менее решительно, и она поле-

тела вперед, как выпущенная торпеда. Что чувствует торпеда, Наталья не знала, но сама она почувствовала сильную боль, ударившись обо что-то твердое плечом и скулой.

«Что-то твердое» оказалось при ближайшем рассмотрении мужчиной. Мужчина был высок ростом, широк, зол и смотрел на нее с плохо скрываемой брезгливостью.

– Что вы на ногах не держитесь, девушка? Так и покалечиться можно!

– А что вы дверь рвете, как партизан в бункер к немцам?!

– Что?! – опешил мужик от такой отповеди.

– Ничего! Вы куда-то с боем прорываетесь, а тут девушки на дверях висят, – воинственно проворчала Ната.

Насчет девушки она, конечно, погорячилась маленько, но кто из женщин не думает о себе в диапазоне минус 10–15 лет? Да и какое это имеет значение, когда бог посылает ей маленький скандалец для бодрости духа и развеивания хандры...

В этот момент Наталья почти любила этого мужчину.

Мужчина, которого она «почти любила», был ошарашен и сдвигался в сторону, пытаясь ее пропустить. Гордо, нет – очень гордо! – задрав подбородок, она прошествовала мимо, испортив всю картину несения своего возмущенного величия тем, что зацепилась за коридорный коврик носком шлепанца.

«Ну вот и полегчало, спасибо тебе, дядечка», – хотя насчет «дядечки», как и насчет «девушки», она тоже несколько преувеличила. Толком рассмотреть божьего посланника ей не удалось, да и это было неважно, но на «дядечку» он явно не тянул.

Уже совсем в ином настроении Наталья вошла в купе.

Даша и ее мама пили чай. Настоящий чай, который наливали из заварного чайника – вот же чудеса непоездные! А на столе было разложено угощение – тульские пряники, конфеты, пирожки и еще какая-то снедь, завернутая в промасленную бумагу.

– Вы садитесь с нами, мы подвинемся, – очень весело, звонким, каким-то девчачьим голосом пригласила Устинья Васильевна. Голос совсем не вязался с ее крупной, дородной фигурой, круглыми щечками и стрижкой «в кучери». – Вас как зовут? А то и не знаем, как обращаться.

– Наталья Александровна, можно Наталья.

Как-то вдруг очень захотелось чаю с пряниками в компании этой располагающей, открытой парочки. Наталья сходила за стаканом, и они уселись чаевничать. Устинья Васильевна с Дашей рассказывали о себе: куда едут, как живут, про родственников, которые будут их встречать, и что-то еще, еще... Она слушала, не слушая, улыбалась и кивала: этому приему Ната научилась давно.

Ездить приходилось много и часто, в основном на поездах. Попутчики попадались разные, но почти всегда разговорчивые. Она научилась слушать, пропуская поток информации и эмоций собеседников мимо. Не от безразличия или снобизма, а от невозможности втиснуть в себя что-то еще сверх своих переживаний.

Переживания прошли, а навык «поездных ушей» остался.

Хотя – какое там «прошли»!

Когда, вон, курить побежала – и ручки тряслись, и слезы внутрь загоняла, не разрешая им выйти из-под контроля, и смирилась с тем, что хандрить придется полпути. Если б не маленькая стычка с тем мужиком, сидела бы сейчас и собирала себя в кучку...

Она улыбнулась, вспоминая эпизод в тамбуре, и мимолетно подумала о мужчине: «Что ж у нас случилось-то, что мы такие решительные и суровые, или мы такие по жизни?»

Как будто отвечая на ее мысли, Даша вздохнула и принялась рассказывать:

– Ой, Наталья Александровна, тут пока вас не было, к нам четвертого поселили! Представляете, он из СВ, продали три билета на одно место, чего раньше никогда не было. Так начальник поезда говорит. Вот. А СВ-то – всего два вагона, и все места заняты, так эти трое не знали, как разместиться, вроде как двое мужчин уступили женщине, у нее третий билет был.

Вот. А их в купе переселили и обещали разницу выплатить, искали лучший вагон, и оказалось, что это наш. Нам одного и подселили. Здоровый такой мужик и злой. Важный: вещи, то есть сумки, дорогие такие, так он их покидал и ушел, даже дверью хлопнул. Будет теперь дуться и молчать. Да еще храпеть, наверное, ночью примется!

– Да не тарыхти ты, Дашка! С чего ты взяла, что будет храпеть. А что расстроен человек, это ж понятно.

– Ну... уж больно важный, сразу видно – начальник.

«Уж не мой ли «партизан», этот новый сосед? Плохо дело, еще разборки устроит, учить уму-разуму начнет», – обеспокоилась Ната.

Поругивая себя за трусость, она полезла на свою верхнюю полку, где, в общем-то, неплохо устроилась. Чувствуя приятную сытость после чая, она медленно погружалась в сон.

Дремать нельзя – только спать...

Наталя проснулась от звука хлопнувшей двери купе, более резкого, чем обычно, похожего на выстрел. Вздвогнув, она открыла глаза и увидела прямо перед собой того самого «партизана», как она его обозвала про себя, и теперь наконец-то смогла его рассмотреть.

Он был действительно высок, за метр восемьдесят, весь какой-то широкий, но не толстый, а, как говорится, подтянутый. На вид ему, пожалуй, можно было дать в районе сорока. Короткий ежик волос, очень внимательные серые глаза, небольшой шрам над левой бровью и едва заметный – на левой скуле. Простая, ничем не выдающаяся внешность. Ничего особенного.

Кроме глаз.

Пожалуй, Дашка была права: как-то сразу становилось понятно, что он – начальник, не потому что высокомерен, а просто чувствовалось, что этот человек умеет командовать.

«Да, с «дядечкой» я точно промахнулась...»

– Простите, я не хотел вас разбудить! – холодно и отстраненно произнес объект ее пристального изучения.

– Все с дверьми воюете? – понесло Наталью, видимо, еще не до конца проснувшуюся. Язвить с этим товарищем, похоже, не рекомендовалось, но когда это благоразумию удавалось ее остановить!

– Так это вы, девушка! – как будто обвиняя, произнес «гражданин начальник».

– Вообще-то – я. А что? – живо поинтересовалась она.

– Да, собственно, ничего.

– Ну и славно! – ехидно согласилась Наталя.

Куда ее несет?! Мужик явно раздражен, да и цену себе знает. Может, поэтому ее и прогнало?

Говорить им было не о чем, и мужчина твердым полукивком отпустил ее из разговора и одним сильным движением поместил свое крупное тело на верхнюю полку.

«Ого, да мы еще и спортсмены», – подумала Наталя, с издевкой вставив «э».

Слишком увлекшись его разглядыванием, она совершенно забыла о других пассажирах, но они о себе немедленно напомнили:

– Здравствуйте, а как вас зовут, а то мы все познакомились, а как вас звать – не знаем. Хотите чаю? У нас настоящий, не из пакетиков, – очень быстро и громко, как из пулемета, строчила Даша.

– Зовут меня Антон Александрович, чаю не хочу, благодарю вас.

Вот так – холодно и очень понятно: «Все свободны, всем спасибо».

«Что ты к нему прицепилась, Наталя?! То рассматриваешь его во все глаза, то язвишь, то его тон тебя задевает, тебе-то что? А бог его знает – что? Бог знает...»

В этот миг зазвонил ее сотовый.

Схватив в руки телефон как спасательный круг, она спустилась с верхней полки и выскочила в коридор. Звонила ее бывшая клиентка, просила помочь приятельнице, которой нужно срочно продать квартиру. Она переадресовала клиентку к Ольге, ее нынешней коллеге и почти подруге. Закончив разговор, Наталья заглянула в купе, взяла сигареты и снова попелась в тамбур.

Надо кое-что обдумать, успокоиться, а то настроение, как качели, – то вверх, то вниз.

Ей повезло второй раз: в курилке никого не было.

Она уставилась в окно на мелькающий пейзаж, и мысли потекли, как картинки за окном.

После ухода от мужа она, конечно, потеряла и работу.

Начинать заново жизнь после тридцати сложно, а после тридцати шести практически вообще невозможно, да еще не имея ничего за спиной, кроме старого шмотья. Она работала у него всем на свете, от секретаря до главбуха, и, конечно же, без трудовой книжки и без зарплаты, а еще с целой кучей проблем.

Как-то по ТВ шел сериал о женщине с тремя детьми, ушедшей от мужа. Сериалы она не смотрела в силу занятости и не особой любви к ним. Из этого сериала почему-то запомнила некоторые высказывания, из тех эпизодов, что видела случайно.

Героиня говорила своей подруге: «Начинающие развод делают одну большую ошибку – уходят, а уходящий получает не более десяти процентов от всего: от денег, жизни, любви. Раз уж влезли в развод, сделайте так, чтобы ушли от вас».

Десять процентов она не получила, но одну десятую процента ей все-таки дали и подтолкнули в спину – «иди, иди, убогая, пока я не передумал».

А что? Прав ведь! Точно, убогая – шесть лет угробить на мужика: на его жизнь, его бизнес, его здоровье, его родителей. На все его.

Конечно, убогая.

А где же я?! Ну или хотя бы «мы»?! Ну и сама дура – заслужила!

Наталья стала искать, куда пристроить свои жалкие копейки, чтобы сделать наконец что-то для себя, хотя бы организовать жилье. Она купила комнату в совершенно «убитой» коммуналке, в отдаленном районе, без соседей. У них имелась другая квартира, а вторая комната стояла пустая: супруги держали ее для детей, когда те подрастут. Люди они оказались неплохие, и им было все равно, что она там делает – ремонт так ремонт.

Негатива, обид и обвинений в ней накопилось – море, девать это куда-то требовалось, вот она и взялась за ремонт. Своими силами – за исключением сантехники, электрики и каких-то сложных работ.

Деньги быстро закончились, а что-то делать плохо Наталья не умела, вот и вышел ремонт на славу. Зато она оказалась совершенно без денег, без работы и без понятия, что ее ждет впереди.

Однако половину злости на себя и на весь мир Наталья сбросила. Она продала эту комнату – надо же на что-то было жить – и вдруг обнаружила, что неплохо на этом заработала. Очень даже неплохо! И пошла на фирму, через которую покупала и продавала комнату, где устроилась работать риелтором в отдел купли-продажи.

Через два месяца она заработала первые неплохие деньги. Через год приобрела однокомнатную квартиру, а вместе с квартирой – и самоуважение, потерянное где-то в начале «счастливой» семейной жизни. А еще она приобрела устойчивый страх – пустить в свою жизнь и в свое одиночество хоть кого-то.

Ну, и накрывающие время от времени с головой, вот как сегодня, приступы хандры...

В активе у нее имеется любимая мама, к которой она и едет сейчас в Крым, еще – любимая же сестра, четверо горячо любимых племянников, детей сестры.

Между прочим, сестра с семьей в ближайшее время собирается перебраться с Урала в Москву: бизнес мужа требует.

А с ее любимыми племянниками рядом скучать не придется – это, как они говорят, «без вариантов». Так что нечего, нечего хандрить!

Ну подумаешь – тридцать девять лет, ну подумаешь – нет детей и ты одна.

Делов-то.

Скучный, рутинный секс раз в неделю с сослуживцем в течение последнего года, не доставляющий никаких радостных эмоций ни ему, ни ей.

А куда деваться? Чувств друг к другу никаких, кроме дружеских, они не испытывают. Жениться, боже упаси, не собираются. Ну, хоть секс есть – вяленько так вяленько...

Последний раз это случилось два месяца назад, не доставив ей никакой радости, и Ната решила: все, хватит! Даже говорить ничего не надо было: просто она его не приглашала, и его предложений встретиться не принимала.

Все довольны.

Работа эта ей уже давно надоела, да и не надрывается она особенно.

Народ у них деньги зарабатывает – будь здоров, а ей лень и неинтересно.

В общем, по нынешним меркам она тоже неплохо заколачивает, понимает, конечно, что можно го-о-раздо больше, но нет азарта, удовольствия, что ли.

Да и не ее это!

«А что – твое??? Чего ты хочешь-то, Наталья?! Куда тебя сегодня несет? Ты сто лет не позволяла себе расслабляться и держалась!» – прикрикнула она на себя мысленно.

«Все нормально. Просто я еще не умерла, я живая, мне влюбиться хочется, родного человека рядом, чтоб свой, со всем набором мужских достоинств и недостатков, но родной и любимый. Вот так-то!

И хоть раз в жизни, ну хоть один раз, почувствовать и понять, что такое «как за каменной стеной». Что значит: мужчина, которому можно все доверить – и жизнь, и любовь, и преданность. Тихая постоянная радость, что он есть, миллион мыслей в день о нем: где? как? все ли хорошо?

Радость, что он думает, скучает и звонит по три раза на день – просто так, чтобы услышать ее голос. Чтобы совпадать, как две половинки, слышать друг друга. Господи, да можно что угодно об этом думать и говорить, главное – быть родными!

Ох-хо-хо, куда тебя, Наталья, понесло! А кто не хочет?! Все хотят и любви, и родного человека. Все! Что ты разнюнилась?

Ты еще начни женские романы читать и сериалы типа «сопли в сахаре» смотреть».

Во рту стало горько – не то от сигареты, не то от мыслей...

«Ладно, хватит! Бери себя в руки и тащи в купе, на верхнюю полку – к Донцовой, кроссвордам и остальным прелестям поездной жизни. Или, может, в ресторан, коньяку хлопнуть?»

Наталья затушила сигарету и пошла в купе.

«Ты смотри, какая!» – думал Антон, виртуозно изображая, что спит.

Собственно, ему нужно было подумать, хорошо подумать, и с бумагами поработать. Он ехал поездом, чтобы совместить приятное с полезным, а еще выполнить одну неофициальную просьбу из числа тех, которые уже не раз выполнял для своей бывшей конторы.

Вернее, в первую очередь – «просьбу», а потом уж все остальное.

Но эта дамочка его сильно отвлекла, еще там, у двери в тамбур, когда влет ответила про «партизана».

Ему всегда нравились такие язвительные, быстрые на умную реплику, живые. А у этой к тому же были зеленые глаза – печальные, но в одну секунду вспыхнувшие смехом. Судя по всему, остальное было тоже в порядке – он почувствовал, когда она на него налетела: упругая грудь, талия, бедра.

Почувствовал и запомнил, и нес с собой, пока шел в ресторан.

В ресторане он понаблюдал за тем, кто был ему нужен, впервые рассмотрев его вживую. Прокручивал в голове еще раз информацию, настраиваясь на этого человека, на работу с ним.

За всем этим он про девушку забыл.

Оказалось – не забыл, а как бы отодвинул и, снова встретившись с ее внимательными зелеными глазами, понял, нутром почувствовал: зацепила она его.

Да уж!

Сразу вспомнилась оставленная в Москве Марина. Когда же они последний раз занимались любовью? Давно, да как-то особенно и не тянуло.

Она, конечно, надеялась на что-то серьезное, продолжительное.

А он точно знал, что – нет, нет. Все это не то, не греет.

Спасибо, конечно, что и такое есть: при его-то занятости еще озадачиваться поиском партнерши – ну никакой возможности. Вот и тянется не пойми что: ни роман, ни дружба, ни любовь, ни просто секс.

Надо бы ей позвонить, сказать, что уехал, да неохота.

А эта, зеленоглазая, пожалуй, могла бы фейерверк-то в нем зажечь...

Он всегда был честен с самим собой и сразу признал: странным образом эта девушка его сильно заинтересовала. И тут же сам себе подивился – с чего бы?

Давным-давно его никто не интересовал вот так, сразу.

«М-да, не то стареешь, не то заработался ты, Антон Александрович. Ладно, надо делом заняться».

Ну, с бумагами все ясно – его официальный контракт и договора к нему – азы и рутина.

А вот с «просьбочкой» – тут все сложнее и интереснее.

Полковник в отставке, а ныне хозяин и генеральный директор фирмы, предоставляющей услуги по установке и обслуживанию охранных систем любой сложности и любого уровня защиты, а также выполняющей индивидуальные заказы на личную охрану и еще кое-что в этом же русле, проходящее по «прейскуранту» как «особые услуги», – Антон Александрович Ринков считался среди людей, знающих его, человеком везучим. На самом деле он просто обладал суперинтуицией – седьмым, десятым, черт его знает, каким чувством, спасавшим его шкуру и голову не одну тысячу раз – как в бою, так и во всех делах, которыми занимался.

Боевой офицер спецназа, прошедший огонь и воду, из каких только передраг не вылезавший, практически всегда выводивший из них целыми и невредимыми своих ребят, за исключением единичных случаев, о которых говорить и думать запрещал самому себе.

За блестящий ум и эту самую интуицию после очередного задания и ранения он был переведен в аналитический отдел родной конторы.

Поначалу работать в этом отделе было интересно, азартно, радостно.

Но постепенно азарт спал, все виделось более четко, гораздо глубже и серьезнее, чем в начале, – и пришло понимание, что он ошибся.

Знаменитая на всю контору интуиция, помноженная на блестящий ум, помогла ему тихо и безболезненно уйти в отставку, хотя Антону пророчили звание генерала.

Да бог с ним, с генералом-то. Главное, что ушел.

Хотя «безболезненно» – это, конечно, не совсем правда.

Начинать новое дело, не имея собственных средств, получая регулярные предложения «о вложениях» с разных, порой противоположных сторон, красиво уходить от принятия данных инвестиций, выкручиваться самому, заложив все, что можно, собрав посильную дань со всех друзей и родственников, – это еще то удовольствие.

Он работал как каторжный, иногда по двадцать четыре часа в сутки, не гнушаясь сам подвязываться на «личную» охрану «тел», о которых знал гораздо больше, чем даже они сами о себе знали. Монтировал первые охранные системы сам или со своим товарищем Михаилом на пару. Вместе они решали, на что потратить оставшиеся копейки от прибыли: на еду или на сто боевых граммов для расслабухи, ибо все, что заработали, они тут же вложили в новое оборудование.

Водка порой перевешивала, потому что упаживались они до зеленых чертей...

Он сшибал деньги у друзей до следующей прибыли, о поступлении которой можно было только мечтать.

Все, все это было и много всякого другого, о чем и вспоминать не хочется, в то дикое время становления своего дела.

Это сейчас он – сытый холеный барин, обожающий свой кабинет, дубовый стол, сделанный по его индивидуальному заказу, компьютер и все атрибуты жизни преуспевающего предпринимателя, даже свою секретаршу Марию Ивановну, даму неопределенного возраста, оставившегося где-то около сорока пяти лет с десятком тому назад, – суровую и требовательную, как прапорщик на плацу, очень профессиональную, тайно обожавшую его и Михаила.

Она подкармливала их домашними пирогами и поила отваром шиповника, когда они засиживались допоздна.

Его зам и ближайший друг Мишка, для подчиненных – Михаил Захарович Дубин, а для близких – просто Дуб, не смог так красиво и даже элегантно уйти из конторы, как ушел Антон.

Ринкову и прежде приходилось вытаскивать его из разных ситуаций. Вытащил он друга и в тот раз.

После чего, распивая сильно алкогольные напитки у Антона на кухне, строго предупредил:

– Все, вали оттуда, иди ко мне замом, будем вместе бизнес строить!

Дуб сопротивлялся, ныл:

– Да не могу я, Ринк, не могу, я ж ни черта, кроме службы нашей, не умею! И родственников у меня нет. Я ж сирота, и занять не у кого, и заложить нечего. У меня же, кроме ранений и наград, – ни хрена нет! Не мое это, не мое! Это ты у нас шаманишь – такое придумываешь, что ни один нобелевский лауреат не допрет, а я по другой части. Ходил за тобой как тень и чудеса творил, если ты впереди.

– Да и не надо занимать и закладывать: все, что мог, я уже наковырял! – уверял Антон. – Мне ты нужен, мне спину прикрывать надо. Здесь, в бизнесе, так же, как на войне, а порой и круче! И все, кончай приbedняться, знаю я тебя: я, вон, когда ушел, а ты и без меня продолжал там чудеса творить – слышан! Будешь зарплату получать. Знаю, что ты денег, как ранения в яйца боишься, но все, хватит ныть, завтра на работу!

– Ну, на войну так на войну, нам не впервой. Прикрывать так прикрывать – это мы всегда, и даже очень уважаем! – улыбался Мишка.

Они стали жить вдвоем, в Антоновой квартире, доставшейся ему от родителей, так как правильно заметил Мишка, что, кроме ранений и наград, от Родины они ничего не получили. Да и бог с ним!

Очень трудно было поначалу, но они терпели – да фигня все, не такое проходили!

Но все равно Антон знал, что нельзя, ну, нельзя идти другим путем, нельзя брать то, что так охотно и навязчиво ему «дружески предлагают» разные важные «дядечки».

Да он и не собирался.

Ничего, выстояли.

Кто бы сомневался!

Антон вспомнил, как однажды утром он жарил яичницу на кухне. Вдруг в дверном проеме появился Мишка, в одних трусах, с бритвенным станком в руке – одна щека выбрита, а другая в пене.

– А вот скажи мне, командир, – задушевым голосом проговорил боевой товарищ, – мы с тобой одинокие, холостые мужики в полном расцвете сексуальных сил и энергий. Да?

– Ну? – согласился вопросом Ринков.

– А вот ты помнишь, когда последний раз спал с женщиной?

– Ну... давно.

– Вот, я о чем и говорю. У нас двухкомнатная квартира, заметь, с изолированными комнатами, а мы ни разу, – указательный палец жестом, подчеркивающим важность момента, поднят вверх, – ни разу баб не привели. О чем это говорит?

– Ну, и о чем это говорит?

– О том, что мы либо голубые, либо импотенты, либо у нас не все в порядке с головой. Первое и второе – невозможно по определению, значит, остается последнее.

– Ты сегодня ночью этого хакера охраняешь на тусне? – таким же задушевно-ласковым голосом спросил Антон.

– М-м-да, – сник Мишка.

– Вот там и скинешь сексуальную и прочие энергии, гоняясь за этим козлом. Не в первый раз.

– Да, не в первый, – подтвердил Мишка. – Я это все к чему, командир: как только мы приводим баб и устраиваем большой трах на всю ночь – это означает, что наши дела наладились и даже двигаются к процветанию вместе со всем капиталистическим обществом.

– А вот здесь ты зришь в корень, Дубик. Обещаю, что именно так мы это и отметим. Все, все, Дуб, о большом мужском разгуляеве пока забудь. Добривайся, пошли «капитализм» строить.

Потом, когда дело сдвинулось и начало раскручиваться, они пригласили двух девушек, чтобы отметить обещанную Мишке первую маленькую победу.

Но это было еще то свидание!

Зная о проститутках все по специфике своей непростой работы, мужики относились к «ночным бабочкам» снисходительно – жалостливо, и добавлять этим девочкам отрицательных «рабочих» воспоминаний не собирались, да и не их это развлечения были, если честно.

Поэтому вариант близкого «общения» с женщинами облегченного до крайности поведения даже не обсуждался.

Они наметили с Мишкой первый выходной, строили планы, но возникла проблема – знакомиться с дамами им было негде и некогда. Да и ни сил, ни энергии на это просто не оставалось. И потом: им же не по двадцать лет, чтобы идти на дискотеку или еще куда?!

Как вообще это сейчас делают и где?

Махнув на все условности рукой, Антон поехал поговорить с двоюродной сестрой о насущной мужской проблеме.

Они всегда дружили со Светкой, с детства, когда все дети их большой и дружной семьи тусовались на огромной даче ее родителей, где отпрыски творили все, что им заблагорассудится, на бескрайнем участке среди сосен и разросшихся кустов смородины, крыжовника и малины.

Светка была младше его на три года, ее брат Дима – ровесник Антона, и троюродные Леша и Маша, младше на два года, – вот их основной отряд.

Компания была сплоченной, дружной, боевой, в которой, конечно же, командиром и заводилой являлся Антон. Летом к ним присоединялись соседские Павлик с Костей, и этот отряд взрослые прозвали «архангелы».

Самое удивительное, что потом, в далеком будущем, его боевой отряд тоже будет называться «Архангелы».

Но это уже совсем в другой жизни.

Что только они не вытворяли! Рассказы об их проделках и «подвигах» до сих пор гуляют по дачному поселку.

А Светка навсегда осталась своим, проверенным товарищем, другом и нежно, по-братски любимой сестричкой.

Обнявшись, расцеловавшись и махнув по первой рюмочке, они стали «общаться». Это Светкино выражение, она всегда начинала с этой фразы:

– Ну, давай общаться! Что, собственно, тебе, брат Антоша, нужно?

Вот так всегда – с места в карьер.

Она все про него понимала, про реалии его непростой жизни, прощала и любила, как и все они друг друга в своей большой семье.

Он начал было что-то мямлить, но совершенно запутался и, плюнув на все, прямо объяснил проблему.

– Так, – подытожила Светка, – полная деградация личности, вернее, двух личностей мужского пола.

Поглумившись в таком духе еще минут десять, она, конечно же, согласилась «постараться помочь», а о результатах «помощи» обещала сообщить по телефону. Они еще посидели, повспоминали, помолчали о том, о чем нельзя говорить, выпили все, что было. Антон уложил пьяненькую Светку спать – она всегда быстро пьянела, но наутро помнила абсолютно все. А сам отбыл на работу – авралить перед выходным.

Светкины «девочки» оказались веселыми, очень милыми, умненькими, легкими и приятными в общении.

Они пришли, тут же сунулись на кухню, что-то быстро приготовили, хотя они с Дубом старались не ударить в грязь лицом – стол накрыли, но барышни переставили все по-своему.

И – быстрее, быстрее! – принялись наперебой произносить тосты, знакомиться, заливая шампанским неловкость первого момента.

Очень скоро все почувствовали себя раскованно и раскрепощенно. Громко играла музыка, мужики вовсю заигрывали, дамы хохотали, по телевизору шла какая-то комедия. Наконец Антон включил музыку и предложил медленный танец, все с удовольствием согласились.

Начались затяжные поцелуи, более откровенные жесты соблазнения, и, плавно двигаясь в танце, пары разошлись по комнатам...

Антон даже особо не утруждался запомнить, как зовут девушку, которая ему досталась, и разузнать, кто она такая, хотя, конечно, запомнил все до мелочей. Уж так его мозги устроены, и не до джентльменства ему тогда было, потому что ему хотелось сразу две несовместимые

вещи – спать и заниматься любовью. Максимум такта, на который он был способен, это сказать «прости», перед тем, как идти в атаку.

И в первый раз в своей мужской жизни, достигнув финала, он мгновенно провалился в сон – как будто умер.

Проснулся он, как всегда, в одно мгновение, осознавая все вокруг, себя и свое тело, готовое к любым действиям – это был навык, закрепленный на уровне рефлекса на всю оставшуюся жизнь.

В квартире стояла тишина. Полная, звенящая.

Все было убрано, даже полы помыты.

Войдя на кухню, он немного прибалдел. Никаких следов вчерашнего веселья – идеально чистая кухня. На плите стоят кастрюльки с едой. В одной – одуряюще пахнущие щи, в другой – горка котлет. В холодильнике обнаружилась тарелка с нарезанными и красиво разложенными овощами, прикрытая целлофаном, поверх которой лежала записка следующего содержания: «Скрытый алкоголизм лечат в центре «Дар», а виагра продается в частных аптеках без рецепта. Когда вылезите – звоните».

Антон громко хохотал, от души, до наворачивающихся слез, облокотившись одной рукой о стол, в другой держа записку и перечитывая ее.

В кухню вбежал помятый Мишка – босиком, в одних трусах.

– В чем дело, командир?!

– Дуб, мы опозорили честь мундира русского офицера!

Мишка выхватил записку, пробежал ее глазами, потом еще раз, и совершенно с серьезным выражением лица произнес:

– Армия нам этого не простит!

Насмеявшись, они попробовали кулинарные шедевры, приготовленные щедрыми руками сердобольных женщин для сирых и убогих, и пошли на работу.

Лежа на своей верхней полке лицом к стене, он улыбался, вспоминая этот их первый выходной.

«Это все она, эта, с зелеными глазами, – по обыкновению честно признался себе Антон, – надо о деле думать, а меня растащило, хотя... я ведь простой пассажир, ну, и веду себя как простой пассажир. В меру повозмущался, «кулачком по столу стукнул», всех построил – и довольно».

Открылась дверь, и в купе вошла зеленоглазая – он, не глядя, определил, что она.

– Наталья Александровна, давайте обедать. Сейчас маму разбудим, накроем, – пригласила ее Даша шепотом.

«Значит, Наталья Александровна – хорошо», – подумал Антон.

– Нет, спасибо. Я в ресторан.

– Ну что вы, у нас все есть. Все вкусное. Свежее, – уговаривала настойчиво девчушка.

– Нет, нет, благодарю!

Наталья достала зеркальце, подправила легкий макияж, взяла сумку, сунула в нее телефон, сигареты. «Партизан» спал, повернувшись к миру спиной.

«Да, подруга, чего-то тебе точно в жизни не хватает, судя по реакции на обычную мужскую спину, хотя, конечно, не совсем обычную, а весьма внушительную. М-да, это диагноз» – вынесла себе мысленно вердикт Наталья и строго распорядилась: «Так, срочно в ресторан – хлопнуть коньячку!»

В ресторане посетителей оказалось мало, всего человек пять: ну, это и понятно – время еще не для ужина, но уже и не для обеда.

Она заказала себе овощи, рассольник, воду и рюмку коньяка.

Симпатичная плотненькая официантка неопределенного возраста, как и все поездные официантки, очень быстро принесла ее заказ. Предощущая лечебный эффект от коньяка для своих не в меру разгулявшихся нервов, Наталья поднесла рюмку к губам и замерла.

По проходу шел «партизан» и смотрел на нее в упор.

Прямо в глаза!

Даже «собрав всю свою волю в кулак», как пишут бездарные писатели, она не смогла отвести от него взгляда.

Рука дрогнула, выплеснулось немного коньяка, как бы напоминая о себе и незаконченном действии. Не отводя взгляда от серых глаз «партизана», Наталья выпила, забыв запить, или заесть, или что там еще надо делать после принятой рюмки.

– Лучше закусить лимончиком, – любезно подсказал виновник ее смятения, подойдя к столику. – Вы не заказали? А зря. Разрешите составить вам компанию, Наталья Александровна?

– Значит, все-таки вы не спали, – констатировала она.

– Не спал, – признался он и спросил тоном доброго соседки: – А со мной коньяку выпьете? – и жестом попросил разрешения присоединиться к ней за столом.

– Выпью, что ж не выпить с хорошим человеком, – кивнула она, – и для беседы полезно.

– Экая вы, – сев напротив нее, он наконец подобрал слово: – острая.

– Каюсь, грешна, характер, знаете ли. Ничего поделать не могу, – резвилась Наталья, защищая себя от его взгляда, вызывавшего озноб в позвоночнике и что-то еще, может, забытое, а может, вообще не испытанное еще никогда...

Пока он делал заказ, Наталья смотрела в окно.

«Слишком быстро, слишком в упор – все слишком. Расслабься, Натка, – уговаривала себя она, – и так ты сегодня как истеричная барышня себя ведешь!»

– Наталья Александровна, вы куда едете? – приступил к застольной беседе сосед.

– В Крым. У меня там мама живет. А вы?

– Я тоже в Крым. Отдыхать и работать.

– Вы директор, у вас своя фирма, довольно успешная? – полуутвердительно спросила Наталья.

– Да, некоторым образом. Я даже не спрашиваю, как вы догадались.

– Правильно не спрашиваете, это сразу видно и понятно, – кивнула Наталья и отчего-то сказала о себе: – А я работаю риелтором, купля-продажа недвижимости.

– Значит, маклер. Нравится?

– Нет, – почему-то честно призналась она.

Принесли его заказ. Антон Александрович разлил коньяк по рюмкам, подвинул к ней тарелочку с лимоном.

– За знакомство!

– За знакомство!

Они выпили, и, слава богу, ее отпустило, отступило это пугающее понятно-непонятное странное ощущение, предчувствие чего-то особенного...

– Как давно вы живете в Москве?

– Десять лет в этом году исполнится.

– Привыкли? Как вам город?

– Сначала, в первые годы, было тяжело: слишком холодно, слишком много снега, слишком длинная зима. Да и время было сложное, страшное, вы же помните. Потом привыкла как-то и даже сильно полюбила столицу. Теперь скучаю, когда надолго уезжаю, рвусь назад. А когда возвращаюсь, иду гулять в центр по любимым улицам...

Антон Александрович слушал заинтересованно. Внимательные серые глаза, внимательное лицо, даже короткий ежик его волос казался внимательным...

«Ох, непрост мальчик, ох, непрост! «Глаз востер, как у татарина», – говорила про таких моя бабушка», – усмехнулась про себя Ната.

Зазвонил сотовый, оба принялись доставать свои телефоны. Мелодия была не ее – звонили Антону Александровичу.

«А ему очень подходит – Гимн Советского Союза... ах, извините, России».

– Да, Ринков! – несколько резковато ответил он.

Наталья устала на него как на привидение.

Слушая, что говорят на том конце, Антон Александрович удивленно поднял брови, не понимая ее странной реакции.

Детство... все хорошее, как всегда, из детства.

У Сереги дома была совершенно невероятная, огромная библиотека, там были такие чудесные книги: старинные, толстые – с разрисованными переплетами, и тонкие, с удивительными картинками – феями, рыцарями, принцессами, драконами и всякими сказочными рисунками.

Они таскали эти сказки из библиотеки от взрослых, не разрешавших Сереге выносить книжки из дома, и прятались в свой штаб в глубине сада.

Они еще не умели читать и, рассматривая картинки, придумывали по ним свои собственные истории – сказочные, бесконечные.

Первым научился читать Серега, и сначала читал им эти сказки по слогам. Маленькую Натку это ужасно раздражало, потому что если рассказывать сказку медленно и без выражения, то вся сказочность куда-то пропадает!

Она предстала перед старшей сестрой и потребовала, чтобы та немедленно, вот прямо сейчас, научила ее читать, чем вызвала восхищение любящих родителей. Натка очень быстро научилась, ее только смущали некоторые буквы в тех старинных книжках, смысл которых сестра ей не объяснила, но и с этим она справилась. Сама.

Так вот, в одной из этих сказок, которую особенно все любили, был необыкновенный герой.

Он дрался на мечах лучше всех, не носил латы, как все остальные рыцари, и поэтому был быстрее и ловчее других. Он умел абсолютно все – скакать на лошади, прыгать с высоты, плавать – весь джентльменский набор героя.

Как водится, имелась в сказке и принцесса – ну, а куда без нее! Мальчишки дружно утверждали, что она похожа на Натку, прямо точь-в-точь!

Когда они прочитали эту книжку в тысячный, наверное, раз и уже все знали наизусть, то начали придумывать рыцарю подвиги сами. А потом и играть в них.

Конечно, Ната всегда выступала в роли той самой принцессы, а рыцаря пацаны играли по жребью. И неизменно в конце игры спасавший ее становился на одно колено. Слов любви не произносили – так договорились сразу, потому что мальчишкам по дворовому статусу не положено сюсюкать, не по-пацански это, а она была «своя девчонка».

Откуда только ее не спасали!

С деревьев, из сараев, с крыш гаражей, из старых развалин...

Принцесса должна была терпеливо ждать спасенья, изображая нежную и беспомощную деву, но Натка и терпенье в то время не совмещались. Скоро она свела на нет все сцены, связанные с ее «беспомощностью», она слезла с «трона» или выходила из «подземелья» и при-

нимала активное участие в собственном спасении. По мере того как компания росла, менялись и атрибуты игры – мечи, латы и прочая экипировка.

Имя рыцаря из книжки было каким-то сложным, так же, как и у прекрасной принцессы, и они сократили его до начальных букв – Ринк, а Натю стали называть – принцесса Ринка. Но постепенно именно ее стали звать Ринк без всяких приставок и прилагательных, а мальчика, изображавшего героя, называли просто «рыцарь».

По вечерам, когда родители загоняли их домой, мальчишки кричали ей на прощание:

– Пока, Ринк!

Так и прижилось, и даже сейчас, когда прошло миллион лет после детства, мальчишки при встрече называют ее Ринк.

Он говорил довольно долго, требовательным, жестким, начальственным голосом, давая кому-то указания.

Наталья не прислушивалась к разговору, мысленно благодаря господу за то, что он дал ей время отдышаться, выйти из детских воспоминаний и ожиданий, унять свое взрослое сердце. Она обругала себя за то, что расчувствовалась и так реагирует на этого мужчину, и за то, что... испугалась.

«Нервы и гормоны взыграли у девушки», – как говорит один ее коллега.

Быстро запив дурные мысли водой, Наталья подозвала официантку и попросила кофе. С рассольником ей сейчас не справиться – вот никак!

«Бежать, как можно быстрее и дальше!»

Но убежать она не успела.

– Да! Я перезвоню, – довольно жестко закончил разговор однофамилец ее детского рыцаря и спросил по-дружески, участливо: – Что-то вы свой обед не едите... – и предложил: – Еще коньячку?

– А давайте, – махнув на все рукой, согласилась она, отпуская свое настроение вместе с нервами и гормонами на произвол судьбы.

«Рыцарь», он же по совместительству «партизан», в обыденном обращении именуемый Антон Александрович, разлил коньяк по рюмкам.

– Ну что ж, за Москву!

– За нее, красавицу! – поддержала Наталья.

Запив коньяк кофе, она закурила, и в который уж раз за сегодняшний день ее снова отпустило.

Прямо американские горки, а не настроение!

«Что это с ней, – подумал Антон, – услышала мою фамилию – и вдруг стала смотреть так, словно испугалась? С чего бы? Мы незнакомы и никогда не пересекались, что ей моя фамилия? Интересно». Он старательно делал вид, что спит, но не смог усидеть в купе, когда услышал, что она собирается в ресторан. Слез с полки и потащился за ней, хотя совершенно не хотел есть, разве что выпить...

Что-то с ним случилось, когда он столкнулся с ней взглядом.

От воспоминания о том, как она смотрела на него и, не отводя глаз, выпила, до сих пор холодело в груди, как обещание чего-то замечательного, радостного, как в детстве перед елкой, на Новый год.

«Никакая поездная интрижка или курортный романчик с ней невозможны по определению, как говорит Дуб. Совсем другая, не по этим делам... Это сразу видно. И что, что я завелся?! Все это мне сейчас – ну никуда, совершенно не к месту.

Ввязываться во что-то серьезное я не могу, дела-с, знаете ли. Да и хочу ли?

Мне думать надо о деле, а я вот уж полдня – только про эту зеленоглазую... Маюсь и даже прикидываю: с какого боку зайти бы. Блин, не до этого, Ринков, соберись!»

– Антон Александрович, я пойду, – вдруг засобиравлась она, быстро затушив в пепельнице сигарету. – Есть совсем не хочется, пить тоже. Приятного вам аппетита.

– Спасибо. Но вы же ничего не съели...

– Я еще ужинать приду. Благодарю за компанию!

Она вскочила, покидала в сумку телефон, сигареты, зажигалку, улыбнулась и почти побежала расплачиваться с официанткой. Рассчитавшись, махнула ему рукой от барной стойки на прощание и решительной походкой пошла к выходу.

Антон посмотрел ей в спину и как-то в один момент увидел ее всю – разумом, чувствами, зрением – словно узнал и понял то, что до сих пор не разглядел.

Она была невысокого роста, примерно метр шестьдесят два – шестьдесят четыре, довольно стройная, не худая и не полная, как говорится, в самый раз, с хорошей фигурой, ладненькая такая. Ноги, бедра, талия, грудь – все очень гармонично и красиво. На ней был легкий, свободного спортивного кроя костюмчик, подчеркивающий тонкую талию и обозначающий все остальное только намеком.

Высокая шея, правильной формы ключицы, короткая стрижка, темные волосы. Не красавица, но выразительные глаза, улыбчивые губы, и все вместе – очень живое, запоминающееся, милое лицо.

Он как бы видел ее перед собой и обдумывал все то, что отмечал и запоминал в течение дня по деталям, что не давало покоя и будоражило.

И понял.

С ней что-то случилось сегодня, она все время напряжена: то острит, то убегает, то погружается в себя, то улыбается загадочно. Ему стало совершенно ясно, что она одна, без мужа или бойфренда, строит свою жизнь, скорее всего, помогает маме, а может, и еще кому-то.

Но сама, сама – это точно!

Она сильная натура и наверняка – с какой-то непростой историей в личной жизни. Но и с этим она справилась.

Это тоже ясно.

Все это он понял за одно мгновение, пока смотрел ей вслед. «Ну, допер наконец-то. Аналитик хренов, специалист!» – поворчал он на себя.

Он чувствовал, что со всего разгона ворвался в ее судьбу, понимая, что даже его сверхинтуиция не может подсказать, получится у них что-то или нет. Сейчас он абсолютно четко понял, что не сможет и не захочет бежать от нее. И ее не отпустит.

Всё, ворота закрылись до выяснения обстоятельств. И как он умудрился так попасть?!

У него, между прочим, дело, и хрен знает, как там все обернется. Вполне может так получиться, что – мама, не горюй! А решать сразу две задачи, и обе сверхсложные – это вам не отдых, это полные кранты...

«Ладно, прорвемся, не впервой. Хотя... так, как с ней, наверное, впервой. А я ее еще и не поцеловал даже, а уже планы строю и прикидываю будущее. Да, полковник, ну, ты даешь!» – удивлялся себе Ринков.

Аккуратно и тихо закрыв за собой дверь купе – не как в прошлый раз, когда разбудил Наталью, Антон сразу посмотрел на нее. Она спала, отвернувшись лицом к стене и укрывшись простыней. Или делала вид, что спит.

Даша с мамой громким шепотом, чтобы не разбудить попутчицу, принялись по обыкновению предлагать ему чай.

Он вежливо отказался, лег на свое место, позволив себе еще немного расслабиться и почувствовать ее присутствие рядом, всего в метре от себя.

«Все, теперь самое время подумать».

Звонок застал его, когда он уже выходил из офиса:

– Антоша, – задумчивым голосом пробасил генерал. – Здравствуй, дорогой!

– Здравствуй, Федор Ильич!

– Я опять не вовремя, отвлекаю? Ты же знаешь, я как смерть или беременность – всегда не вовремя, но неизбежно, – засмеялся генерал.

Федора Ильича, генерала ФСБ, бывшего непосредственного начальника Антона, называли в конторе Дед, хотя он был всего лет на десять старше Ринкова.

Он производил впечатление добродушного, веселого, шумного простачка, этакого увальня, довольного жизнью и пытающегося осчастливить всех вокруг, все время цитировал какие-то присказки, побасенки, любил посмеяться.

Внешне Федор Ильич соответствовал этому типу – невысок ростом, плотненький, кругленький, с розовыми щечками, небольшой лысинкой и пухлыми ручками. Но в конторе все знали, что генерал обладает блестящим аналитическим умом, огромной эрудицией, прекрасной памятью и по сути своей весьма далек от тщательно создаваемого имиджа добродушного простачка.

Волевой, хитрый, жесткий, великолепный тактик и стратег, он сам подбирал себе подчиненных, в число которых хотели попасть очень и очень многие. А уж подобрав команду, стоял за них горой при любых обстоятельствах.

Если возникала необходимость, отстаивал своих ребят на всех уровнях, используя все дозволенные и недозволенные приемы.

Это он помог уйти Антону из конторы без особых потерь.

Ну, почти без потерь, но, прощаясь, вздохнул и печально сказал:

– Антоша, ты же понимаешь: бывших у нас не бывает.

И уже через три месяца позвонил и попросил помочь в одном непростом дельце для родной конторы, а заодно – и Родины.

Антон, конечно же, помог – а куда деваться! – но досадуя и ворча.

Правда, в последнее время, если Дед приглашал просто «обмозговать» или «поучаствовать», отзывался не без удовольствия – по ерунде генерал не дергал, а непростые задачи увлекали своей сложностью. К тому же в бизнесе все устоялось и катилось с минимальными трудностями. Антону же всегда хотелось в жизни чего-то острого, интересного, захватывающего – для ума и способностей.

– Ты заезжай, Антоша, – душевно зазывал Федор Ильич, – пропуск я уже выписал. Посидим, почаевничаем. Или на свидание торопишься?

Дед, как всегда, попал в десятку.

Ринкова ждала Марина, и даже что-то там готовила-накрывала. Он уже третий раз переносил свидание, она обижалась, дулась, но все равно звонила.

Антон испытывал легкое чувство вины за свою постоянную занятость, но и чаще встречаться с ней горячего желания не было. Он позвонил на этот раз сам, и они договорились, что он приедет к ней. Он даже разгреб на сегодня все дела...

И вот теперь надо в очередной раз откладывать свидание, заранее зная ее реакцию – обиды, долгие монологи о его эгоизме и общем мужском свинстве. И все последующие воспитательно-наказующие нравоучения и действия, производимые с точно рассчитанной долей нажима – не дай бог пережать и спугнуть мужика! Но в то же время – непременно подчеркнуть, какая она терпеливая, отходчивая, мудрая...

Все это Антон проходил уже не раз и подыгрывал ей, само собой.

Она была из обеспеченной семьи и ее с детства готовили к удачному замужеству, где она уже побывала, набралась опыта, развелась и теперь виртуозно пользовалась всеми способами воспитания и приручения мужчин.

Сейчас в роли «удачного» числился он, Ринков.

«Послала бы на хрен или сковородкой дала по башке без комментариев, может, и прибежал бы скорее, хотя – вряд ли», – уже привычно раздражался он, в одну секунду вычисляя все ее женские заходцы и манипуляции.

Но когда он подтруливал к проходной, дослушивая по мобильному обвинительные речи Марины, ему было абсолютно наплевать на нее.

В нем уже взял верх профессиональный интерес, звенела струнка, он полностью переключился на неизвестную еще интригу, задачу. Всегда было так – сознание, организм настраивались на работу, как рояль перед концертом: еще неизвестно, что будут играть, а он уже звенит.

Чаек, конечно, был, и лимончик, и вазочка с конфетами, бутерброды с бужениной и огурцом, и смородиновое варенье.

– Ну, здравствуй, Антоша. – Дед пожал руку, приобнял, похлопал по плечу и, отодвинув от себя, всмотрелся в его лицо. – Похорошел, округлился, возмужал! Почему не женился до сих пор? Сидели б сейчас у тебя дома, и твоя жена-красавица потчевала бы нас пирогами, а не тут, в казенщине кабинетной...

Он все про всех знал, был в курсе личных проблем своих «ребят», часто помогал – ненавязчиво, а иногда и вовсе анонимно.

На то он и Дед.

– Здравствуйте, Федор Ильич. Дела, дела – не до женитьбы, да и где ее взять-то, красавицу, да чтоб еще и пироги пекла?! – засмеялся Антон.

– А ты не там ищешь. Все небось по ресторанам, да по курортам, а там достойных барышень мало. Ты в метро спустишь, Антоша. Цветник! И все умненькие, работающие и с пирогами справятся, и детишек нарожают.

– Что это вы, Федор Ильич, меня сватать взялись?

– Так гляжу – пропадает хороший мужик, золотой генофонд, можно сказать, нации, и счастья тебе желаю.

Это была традиция: непременно выпить чаю, съесть бутерброды, и еще раз чаю уже с вареньем – под легкий шуточный разговор.

Без этого Дед никогда не приступал к делу. Даже если ты точно знал, что будут голову снимать и что ты наворотил такого!..

Без чая и ругать не начинали.

– Ну, к делу, – наконец сказал Дед.

Они пересели за переговорный стол, и генерал протянул Антону фотографию.

Со снимка смотрел мужчина лет сорока пяти ничем не выдающейся внешности, и только по некоторым еле заметным деталям – темные глаза, легкая смуглость кожи – можно было угадать в нем выходца с Востока.

– Это Хаким, пакистанец по месту рождения. Родители неизвестны, имя, в общем, тоже. Из тех, которыми пользуется наиболее часто – Хаким, Селим, Мухаммед, Роман, Руслан, – принялся пояснять генерал. – Он – лучший из тех, кто прокладывает трассы для продавцов оружия и наркоты. Только для больших поставок, и такие, которые можно эксплуатировать несколько раз. Рано или поздно мы все их накрываем, и тогда он прокладывает новые. К нему обращаются только с серьезными предложениями. Мелкотой он не занимается, крупные партии – не менее десяти миллионов. Обладает феноменальными способностями: знает десять языков, в том числе – японский и китайский плюс несколько диалектов. Совершенно чисто говорит

на английском, американском, русском, немецком, испанском, про арабские я вообще молчу. Ориентируется на любой местности; знает практически в совершенстве карты всех основных стран; внешность, как видишь, совершенно усредненная, может выдавать себя за кого угодно – линзы, парик, краска, грим. Естественно, владеет боевыми искусствами. Его услуги стоят пять процентов от партии вне зависимости, прошла она вся или только ее часть.

У него ни разу не было осечек. Даже если партия шла частями. Пока мы или коллеги из других стран или из Интерпола раскапывали маршрут, большая часть товара уже уходила в точку доставки. Поэтому он так дорого стоит. Конечно, его «ведут» постоянно, но он всегда умудряется уйти. Все основные точки его пребывания и общения известны, ну, это оперативка, потом прочтешь. Он знает большинство агентов – как наших, так и не наших – в лицо: у него феноменальная зрительная память. Обычно, получив контракт, выезжает на место один: смотрит, нюхает, слушает, подбирает путь. В первый раз не камуфлируется, потому что может объездить несколько мест, достаточно удаленных друг от друга, и – поди пойми, какое из них он станет разрабатывать. Но как только он определится, активирует свою команду – это три человека.

Федор Ильич протянул Антону еще несколько фотографий.

– Одна женщина, русская, сейчас ей пятьдесят – великая актриса, жаль, что не на сцене, двое мужчин – «кореец» и «латыш». Профессионалы: выезжают на место и как будто растворяются среди местных! А через две недели маршрут готов. Первую, пробную поездку Хаким делает с представителем заказчика, с малой частью товара, потом все проворачивают другие, и если возникают срывы или накладки – не его проблемы.

Так вот, он уже был в Харькове, в Азове, на Кавказе и в Крыму. Сейчас он опять едет в Крым. Зачем? Там все на виду – неинтересно. Две основные таможни, всего два пути и они – как на ладони. Все сферы давно поделены, все не просто застолблено – забетонировано. Любой большой транзит – убийство для Крыма, все криминальные группировки передерутся, да и здесь, в Москве, тоже. Это в общих чертах. Съезди, Антоша, посмотри, разузнай, подстрахуй ребят. Его «ведут» все, кому не лень, – и братья-хохлы, и мы, и турки – кто на нем только не висит! Его ни в лоб, ни хитростью не возьмешь. Ничем не возьмешь, тут нужен твой дар. Брать его никто не собирается – боже упаси! Но разобраться, что он там варит, надо. Я тебе и контракт на Южном берегу подготовил для твоей фирмочки. Хотя на хрена им система охраны такого уровня – убей, не пойму, – пошутил Дед.

– Ну, если и контракт, так отчего ж не поехать? – попытожил Антон.

– Вот и молодец! Тогда – все сначала и в деталях.

Генерал принес из сейфа увесистую папку с оперативными данными и фотографиями, и они принялись за работу.

Антон пробыл у Деда всю ночь. Добравшись домой в восемь утра, улегся спать – выключил себя ровно на час.

В десять часов, уже полностью собранный, он заехал к генералу за последней информацией.

Мишке позвонил, когда уже двигался по Покровке.

– Дуб, привет!

– Влюбился, женился и пропал без вести! – жизнерадостно приветствовал его друг и соратник.

– Дуб, я был у Деда. У меня через час поезд. Давай подъезжай к Курскому, даю тебе двадцать минут, пробок пока нет. Перезвони, сориентируемся, где состыковаться.

– Еду.

Встретившись, они обсудили текущие дела фирмы: как распределить работу, что заморозить, что по ребятам раскидать...

Покурили. Помолчали.

– Смотри там, не влюбись! – напутствовал его Мишка.

У Натальи под подушкой зазвонил телефон.

Проснувшись, она никак не могла понять, откуда идет сигнал и где она сама? Наконец, сообразив, выудила трубку из-под подушки. Посмотрела, кто звонит. На экране высветился номер сестры.

– Натка, это я. Когда приходит твой поезд?

– Подожди, Ветка, ты меня разбудила, – ворчала спресонок Наталья, – я ничего не сообщаю. Сейчас вспомню, когда. А вы что, собрались меня встречать?

– Да это все дети. Соскучились и проехаться хотят, а Димку я маме оставлю!

Димке, младшему сынку сестрицы, любимцу всей семьи, недавно исполнилось полтора года.

Наталья начала спускаться со своей верхней полки.

Даша и Устинья Васильевна спали, «партизан» вроде бы тоже.

Она надела шлепанцы, слушая Ветин рассказ о Димке. И так ей было хорошо и радостно от того, что вот есть Ветка, и дети, и расчудесный, шкодный Димка, и всех их совсем скоро она увидит...

Уже взявшись за ручку двери, она вдруг услышала негромкий голос:

– Мы приезжаем в шестнадцать двадцать по местному времени, а вагон у нас двенадцатый.

– Спасибо, Антон Александрович, – поблагодарила Ната и тихонечко вышла из купе.

– Вета, мы прибываем в шестнадцать двадцать, вагон двенадцатый, – громко оповестила она сестру, закрыв за собой дверь в купе.

– Все, Натка, запомнила, целую. Мы встретим тебя!

«Сколько же я спала? И есть хочется. Это меня от коньяка разморило или от настроения дурацкого? Надо умыться, собраться и пойти поесть».

Приняв решение, Наталья вернулась в купе.

Там царила поездная благодать: Устинья Васильевна и Даша по-прежнему спали, «рыцарь» прятался за книжкой.

«Вот и сиди там, – подумала она. – Нечего девушек смущать».

Наталья взяла умывальные принадлежности, косметичку и быстро вышла из купе. В туалете она протерла лицо лосьоном, увлажнила кремом, совсем немного подкрасилась и, внимательно рассмотрев свое отражение в зеркале, подвела итог: «Да уж, хороша – припухшая, помятая! Зато выпалась... Хватит самокритики, пошли в ресторан».

Очень осторожно, чтобы не нарушить общий отдых, она зашла в купе и сразу посмотрела на Антона Александровича. Он полулежал, подперев голову рукой и опираясь на локоть.

– Наталья Александровна, – тихо подал он голос, – а не сходить ли нам в ресторан, поужинать?

Секунду поколебавшись, Наталья прошептала:

– Ладно, давайте ходим!

Она убрала пакет с умывальными принадлежностями, взяла сумочку и, придвинувшись к двери, вопросительно посмотрела на Ринкова.

Очень ловко, одним экономичным движением он соскочил с полки на пол.

«Значит, все-таки спортсмен, и не просто спортсмен – уж больно ловок!» – мысленно не удержалась от восхищенной язвительности Ната.

В полном молчании они дошли до вагона-ресторана. Он галантно открывал перед ней двери вагонов и закрывал их за ними.

Заняли столик, освободившийся прямо перед их приходом. Так и не сказав ни слова друг другу, сделали заказ подошедшей, уже знакомой, давешней официантке.

Антон закурил, а Наталья стала разглядывать публику.

Людей к вечеру набежало довольно много – были заняты все места. Шумных застолий пока не наблюдалось, но все к тому шло. За некоторыми столиками уже слегка опьяневшие компании весело и довольно громко смеялись, и, судя по количеству бутылок, выставленных на столах, веселье шло по нарастающей. За соседним столиком, к которому Ната сидела спиной, трое мужчин и одна дама уже подпевали ресторанному магнитофону: «Комбат, батяня...» Правда, пока не форсировали голоса.

– Ну что, Наталья Александровна, – спросил Антон, – может, по коньячку?

– Нет, пожалуй. Я не очень люблю крепкие напитки, обычно предпочитаю красное сухое, но здесь вряд ли есть хорошее, а плохого не хочется.

– А давеча вы пили коньяк...

– Это была розовая акция.

– Да? Ну, ладно. Вы правы: хорошего вина здесь нет, я посмотрел еще в прошлый раз карту напитков. Зато тут есть неплохое шампанское. Хотите?

– Давайте сначала что-нибудь съедим, а потом определимся.

– Давайте.

Им принесли заказ, и они опять надолго замолчали, занявшись своим ужином.

Он ей нравился. Совершенно определенно. И так тепло, по-настоящему нравился!

Понравился сразу, еще когда она на него налетела в тамбуре.

Ну и что?

«И что в этом такого! – разволновалась она, ругая себя. – К чему это напряжение, дрожь в руках?! Ну, нравится тебе мужик, сильно нравится, и что?! Я совершенно ему не подхожу – он вон какой важный, директор! Хозяин. Джинсы, белая футболка, часы, даже зажигалка – все дорожущее, известные фирмы. Одна его дорожная сумка баксов на тысячу, если не больше, потянет. Не монтируюсь я с ним никак. Таким мужикам полагаются молодые породистые кобылки рядом. А до таких старушек, как я, они никогда не снисходят. Ну и ладно, мне фиолетово! Небось полезет за ужин платить, изображая снисходительность к моим копейкам. Ну а как же – мы крутые и всегда об этом помним, и при любом удобном случае это подчеркиваем. А мне до фонаря!»

Наталья вдруг как-то очень расстроилась от этих мыслей.

Ей всегда было жаль таких мужиков и неловко за них.

Они сделали свой бизнес с нуля, а уж кто-кто, а она знала, как это – с нуля, и чего это стоит! Они встали на ноги, заматерели, пережили все, что только можно пережить в период становления. И вот им уже в районе сорока, а рядом скачут молодые ухватистые барышни, которым все эти богатенькие дядечки сильно-пресильно вдруг запонадобились!..

Она, конечно, понимала, что далеко не все эти девочки – дуры, а многие – очень даже наоборот, но когда видела такие пары, почему-то ей становилось стыдно за мужчин.

Нет, конечно, случались исключения: она сама знала одну такую семью и очень за них радовалась, потому что человек был замечательный и его молодая жена – тоже, и любовь у них была настоящая...

Но это редкое исключение – из тех, которые, как водится, подтверждают правило.

Откровенные попытки доказать себе и окружающим, что ты еще молод посредством длинноногой, висящей на тебе девульки, Нате казались нелепыми.

Ей сразу становилось жалко всех: и этих мужиков – сейчас сытых, довольных, снисходительно-щедрых, которым лет через десять придется вытаскивать себя из разводов и свар, как из помойки. И самих девочек, которые через те же десять лет вдруг поймут, что ничего у них больше нет и надо самой что-то в жизни делать...

«Резать, к чертовой матери! Не будем дожидаться перитонита!» – как говорится в «Покровских воротах».

«Зря отказалась от коньяка», – подумала она.

Оказалось, что за своими мыслями Наталья съела все, что ей принесли, и не заметила даже. Впрочем, Антон Александрович от нее не отставал, справившись со своим ужином так же быстро.

– Может, все же шампанского? За знакомство, так сказать?

– За знакомство мы с вами уже коньяку изволили откушать, Антон Александрович, – все еще под впечатлением своих раздумий съязвила Наталья. – Впрочем, давайте. Возвращаться не хочется, а шампанское – вполне весомый повод задержаться.

– Абсолютно с вами согласен!

Он подозвал официантку, заказал шампанское, фрукты, шоколад. Ната прибавила к заказу кофе.

– У дамы, которая вам звонила, интересное имя, – начал застольную беседу Ринков.

– Это моя старшая сестра Света, но все зовут ее Вета или Ветка, с детства. Она маленькая себя так называла, ну и привязалось.

– Она живет с вашей мамой?

– Нет, она живет на Урале, с мужем и четырьмя детьми. А у мамы они в гостях, как всегда, каждое лето.

– Четверо детей – это серьезно!

– Да, – Наталья заулыбалась, вспомнив их всех. – Старший Иван, ему девятнадцать, учится в Москве, потом идет Маша, ей пятнадцать, за ней – Александр, ему тринадцать, а самый младший – Димка, ему полтора года. Радость всей семьи.

– Смелая у вас сестра.

– Это точно! А у вас есть дети, Антон Александрович?

– Нет, как-то не сложилось. – Он налил в бокалы шампанское и принялся разламывать шоколадку на кусочки. – А у вас?

– Нет, тоже не сложилось, – быстро ответила Наталья.

Это была запрещенная тема.

Табу.

«Сама виновата, чего ты полезла вдруг об этом спрашивать – вопрос за вопрос, ты же знаешь», – поругала себя она и, поспешно схватив бокал, предложила:

– Ну что ж, выпьем?

– Всенепременно!

Они чокнулись, не произнося никаких тостов, и отпили немного шампанского.

– Антон Александрович, зовите меня Наталья, – предложила она и пояснила: – По имени-отчеству получается слишком официально. Только не Наташа – на это имя я не отзываюсь.

– С удовольствием. Но и вы тогда зовите меня по имени.

– Я попробую, хотя это сложно. Вы весь такой, – она покрутила рукой, подбирая слово, – монументальный, что ли, важный. Руководитель.

– Да бросьте вы! Это я с подчиненными монументальный и важный. Так что предлагаю выпить за простоту в общении, вместо брудершафта.

Они выпили по паре символических глотков и закусили шоколадкой. Ната закурила сигарету, в который раз мысленно уговаривая себя расслабиться.

Черт знает что.

С того момента, как они столкнулись в дверях, он постоянно держал ее в напряжении.

Наталья никогда не чувствовала себя неловко в обществе любых мужчин. Она не умела флиртовать, кокетничать, строить планы, заигрывать.

Веселая, открытая, с прекрасным чувством юмора, она была заводилой в любой компании. Острая и язвительная, она никогда не испытывала необходимости во всех этих женских ухищрениях и преспокойно обходилась без них всю жизнь.

Влюблялась, конечно, и даже, как ей казалось, любила, но как-то никогда не ставила перед собой задачи завоевать мужчину: срастется, значит, срастется, а нет – так «сам дурак».

И срасталось, и ухажеров было много, и романы закручивались, и замужество...

Хотя замужество – это отдельная тема.

Но этот мужчина, который сидел напротив нее, чистил апельсин и красиво выкладывал дольки на тарелку, заставлял Наталью постоянно нервничать, беспокоиться о том, как она выглядит, и переживать о морщинах, слегка кривых передних зубах, ненакрашенных ресницах, помятом после сна костюме – все это были мысли, которые она терпеть не могла!

Неожиданно к их столику подошла крупная дама лет пятидесяти пяти.

У нее был очень внушительный бюст, поверх которого лежали стиснутые в замок полные ладошки с тремя перстнями на пальцах. Весь ее вид излучал некое возвышенное состояние чувств, даже высокая взбитая прическа подрагивала.

– Антон Александрович! – заговорила дама, восторженно придыхая. – Я хотела еще раз поблагодарить вас за то, что вы мне место уступили. Это так благородно, так по-мужски! Это такая редкость в наше время!

– Ну что вы, что вы, – отнекивался Антон, слегка привстав и делая приглашающий жест.

– Нет, нет, благодарю вас, мы вон там, компанией. – Она указала на столик, за которым сидели двое мужчин, лет по шестьдесят: один из них был толстый и совершенно лысый, другой – худощавый и лысый наполовину.

Они наблюдали за дамой и отсалютовали Антону, подняв бокалы.

– Отдыхайте, отдыхайте! Вы ведь очень занятой человек и наверняка только в поезде и можете позволить себе расслабиться, – сказала «мадам» и окатила Наталью осуждающим взглядом, выразив в нем все свои мысли в ее адрес.

Наталья схватила бокал и отпила, чтобы не расхохотаться в голос, поставив Антона Александровича в неловкое положение.

«Мадам» продолжала восторженно-хвалебные речи, Антон стоически терпел, а Наталья тем временем принялась рассматривать незваную гостью. Что-то в ее облике смущало Наталью, настораживало, не стыковалось, что ли.

Какие-то едва уловимые нюансы...

Наконец, «расшаркавшись», дама бросила последний неприязненный взгляд на Наталью и ушла к своим кавалерам, а Ринков сел на прежнее место и запил ее приторные дифирамбы шампанским.

– Теперь понятно, почему вы ей свое место уступили, – дала оценку ситуации Наталья, так почему-то и не сумев перейти с ним на «ты».

– Да, это вы верно заметили. Она нас там, в купе, просто затарыхтела, и мы трусливо бежали со вторым претендентом на место. Кстати, он с ней за одним столиком сидит – тот, который похудее.

Наталья посмотрела на даму, которая уже вернулась за свой столик, и почему-то вдруг вслух поделилась своими сомнениями:

– Что-то в ней не то.

– Что же? – с внезапным жгучим интересом спросил Ринков.

– Знаете, я очень часто езжу в поездах: до того как обосновалась в Москве, целый год туда-сюда каталась, иногда по несколько раз в месяц. Да и сейчас – раз в полгода, а то и чаще: мама ведь там одна, сами понимаете. Я насмотрелась на очень многих разных людей. Многих, даже слишком, волей-неволей психологом станешь. Этот типаж женщин пропал с просторов родины лет пять назад, вернее, он остался, но слегка... как бы это объяснить? Трансформировался, что ли.

Антон даже дыхание затаил, и Ната это заметила. Она призадумалась и продолжила, поглядывая в сторону дамы:

– Как-то всего в ней слишком: слишком много яркой косметики, крем-пудры на лице и на шее. То, что на шее, – явный перебор, такие дамы эти места никогда не закрашивают. Бюст какой-то железобетонный, а при таких размерах он должен слегка колыхаться обязательно. Платье какое-то слишком уж простенькое, что странно – если есть деньги на дорогую косметику, то уж платье поближе к моде женщина подберет обязательно. Туфли очень дорогие, и это особенно странно при, в общем-то, колхозном виде. И духи! Очень дорогие, тонкие. А еще – такая дама ни за что не поедет в СВ. Подругам она, конечно, может наврать, что ехала в спальном с «о-очень интересным мужчиной» и он к ней приставал. Но на деле таким интереснее в купе – событий больше, людей, с их историями, кстати, тех же мужчин. Ой, извините, что-то меня в психологию потянуло, – спохватилась Наталья, сразу стушевавшись.

«Ай да умница девочка! Супер!»

Ринков такого от нее не ожидал. Нет, что она умная – он понял еще в тот момент, когда она на него налетела и с ходу про партизан толкнула, но чтоб так остро и точно, в самую «десятку» раскрыть маскировку...

«Как бы тебя заполучить? Всю и сразу?»

Он, конечно, понимал, что суета с билетами – неспроста.

Почему? А по многим причинам.

Вычислить его лично не могли. Билет он брал сам прямо перед отъездом, не такой уж и сезон, народу еще мало, по крайней мере, в СВ билеты были. Значит, «спектакль» предназначался явно не для него.

Он уже прикидывал, куда это вставить, и пока отложил на время решение – знал, что по мере развития событий все само впишется на нужное место.

С этим-то ладно.

А вот что делать с Натальей?

Она как-то сразу утасла после своего монолога в духе Шерлока Холмса, и он перевел разговор в более нейтральное русло: последние новости в Москве, кто где живет, какой район лучше...

Под ненавязчивую беседу они неторопливо попивали шампанское.

Когда им принесли счет, Антон потянул было к себе оба листочка, но Наталья очень жестко сказала:

– Нет, благодарю, я сама! – И, вытащив из его руки свою бумажку, полезла за кошельком.

– Ну, хотя бы за шампанское ты... вы позволите заплатить мне? Инициатива-то была моя.

– Ладно, – согласилась она, – платите.

«Хорошая девочка!» – усмехнулся про себя Антон.

Они вернулись в купе и в очередной раз оказались от предложенного попутчицами чая.

«Что у них там скважина, что ли, литрами чай пьют?» – раздражился Антон.

Устинья Васильевна и Даша ему мешали, ну, не то чтобы очень и прямо вот мешали, но ему было бы проще, если б они находились с Натальей вдвоем.

Все засуетились, принялись готовиться ко сну – умывание, очередь в туалет и прочее, а затем разместились на полках, взяв книжки в руки...

Их разбудили на таможне – проверили документы, пожелали доброго пути.

Пассажиры попытались снова быстро окунуться в прерванный сон. Устинье Васильевне это удалось – вскоре она громко засопела. Даша все возилась, переворачивалась, устраиваясь поудобней, но скоро и она затихла.

А Наталья измаялась – сон совершенно пропал.

Она прокручивала в памяти эпизод с проверкой документов.

Как всегда, она трудно просыпалась, ей нужно было время, чтоб прийти в себя окончательно и сообразить, что происходит вокруг. Поэтому, еще сонная, она стала наугад рыться в сумке, доставая паспорт.

На ночь она переделась в футболку, и сползшая простыня открыла ее ногу, всю – от полоски трусов до пальцев на ноге. Повернувшись, она вдруг увидела, как на нее смотрит Антон, вернее, не на нее, а на эту самую ногу – очень мужским, даже не оценивающим, а как будто констатирующим взглядом.

Нату бросило в жар.

Внутри все мгновенно вспыхнуло!

Быстро спрятав «красоту» под предательскую простыню, она протянула паспорт таможеннику. Почему-то его не менее заинтересованный взгляд был ей совершенно безразличен.

«Вот же черт, черт!»

В купе было темно. Стараясь не шуметь, она лежа натянула на себя брючки, на ощупь нашла сигареты и зажигалку. И потихоньку принялась спускаться со своей полки.

В вагоне стояла умиротворенная тишина. Народ, привыкший к таможенным проверкам, засыпал быстро.

В курилке тоже никого не было, что в который раз порадовало ее.

Ната подняла руку с зажатой между пальцами сигаретой и другую – с зажигалкой, собираясь прикурить, да так и замерла, окунувшись в свои мысли.

«Наточка, солнышко, ну что же ты, ну что же ты так, вдруг! А?» – уговаривала она себя.

И так ей стало вдруг себя жалко!

«И зачем тебе все это? Ну зачем, да еще так сразу! Ты же не для него. Максимум, что он может предложить, – это легкий курортный романчик, минимум – одноразовый секс. Не то что я против курортного романа, но только не с ним. Я потом вылезать из этого буду неизвестно сколько. Вон, из-за какого-то козла больше трех лет мучаюсь. А тот-то с этим спортсменом даже рядом не шуршал!»

Так, с поднятыми руками, ее и застал Антон.

Он захлопнул дверь, подошел к ней, сгреб ее всю в охапку вместе с незакуренной сигаретой, зажигалкой и пугающими мыслями.

И поцеловал.

Он целовал ее долго, оторвав от пола, прижимая к себе сильными большими руками...

Уронив все лишнее и неуместное сейчас из рук, она обняла его за плечи и прижалась как можно ближе, будто прорастая в него...

Она даже подвывала тихонько от силы переживаемых ощущений, утопивших ее с головой.

Оторвавшись наконец, Ринков заглянул ей в глаза.

Совсем близко.

«С ума сойти!» – с восторгом подумал он и поцеловал ее снова.

Дышать стало совсем нечем, и они «вынырнули» из поцелуя.

Ослабив объятия, он дал ей возможность съехать по нему и встать на ноги.

Она смотрела на него совершенно обезумевшим, отсутствующим взглядом. И глаза у нее в этот момент были совсем не зеленые, а золотисто-карие.

– Что это с нами? – хриплым шепотом спросила Наталья.

– Не знаю, – ответил Ринков.

И, не удержавшись, поцеловал ее еще раз. Легко, уже не так отчаянно, боясь не удержаться на том миллиметре сознания, который еще оставался до потери контроля...

И отступил – подальше от соблазна.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, как будто были не здесь, а где-то там, где чувствовали себя вместе, одним целым.

А потом в один момент они вернулись в реальность, как будто пришли в сознание от глубокого обморока.

И вместе с сознанием вернулась и вся остальная реальность.

Ринков видел, чувствовал, что нравится ей, и видел, как она постоянно себя внутренне одергивает, не разрешая себе увлечься.

Он даже предположить не мог, что у нее в голове и что она напридумывала о нем такого, что все время как будто убегает. И даже не пытался предполагать – бесполезно! К женщинам мужская логика неприменима. А додумывать – что к чему – он не будет, он все у нее выпросит и как-нибудь с этим разберется...

Антон поднял с пола зажигалку, достал свои сигареты и, прикурив сразу две, одну протянул Наталье.

– Ты что-то притихла, – после такого поцелуя на «вы» никак не получалось.

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, объяснить... и закрыла, так и не произнеся ни слова.

– Ясно, – усмехнулся он, тихо радуясь за нее и за себя.

Наталья курила, отвернувшись от него, смотрела в темное окно, что-то думала, и это его настораживало. Она затушила сигарету и сказала:

– Прости, я... я спать пойду...

Антон притянул ее к себе, обнял, уткнувшись подбородком в ее макушку.

– Ты только ничего не придумывай – плохого, я имею в виду, не придумывай. Все будет хорошо.

Они еще постояли, обнявшись и слегка раскачиваясь в такт поезду и этому своему краткому единению.

Потом он взял ее за руки, отодвинул от себя, всмотрелся, легко поцеловал в губы и развернул к двери.

– Ну иди, спи. – Хотел хлопнуть по попке и даже протянул руку, но в последний момент передумал, поднял руку и погладил по голове.

Наталья вышла из тамбура, а он снова закурил и, как она только что, невидяще посмотрел в окно.

«Сорок четыре года, куча женщин, прошедших через мою постель, и одна неудачная женитьба, а что можно так очуметь от поцелуя, даже не предполагал. Все, Ринков, ты попал, причем конкретно!

Если мы так целуемся, что будет в постели?!»

Он быстро запретил себе об этом думать: с воображением у него было все в полном порядке, а он и так еще не остыл.

Утром Наталья долго лежала, не открывая глаз, притворяясь спящей и прислушиваясь к тому, что происходит в купе.

Она вся была настроена на Антона, чувствовала каждое его движение.

Устинья Васильевна с Дашей опять накрывали стол к чаю.

«Как в них столько жидкости помещается?» – усмехнулась про себя Наталья.

Стараясь не потревожить ее сон, все трое шептались. Антон на сей раз принял приглашение попутчиц отведать угощения, правда, от чая отказался и сделал себе кофе.

– Может, разбудить Наталью? – предложила Устинья Васильевна. – Время уже много, и чай бы с нами попила...

– Пусть спит, эти таможни ночью ей, наверное, весь сон перебили, – ответил Антон.

«Это ты мне весь сон перебил, а не таможни!» – подумала Ната.

И глубокий сон не стер ощущение его поцелуя, она, кажется, так и спала в этом поцелуе, и проснулась, и вот теперь лежала и прислушивалась к себе...

Как будто стала новой, другой.

Он ее ошеломил. С ней никогда в жизни не было такого!

Были, конечно, страсти, любви, поцелуи – все было.

Но чтобы так...

Как будто в омут головой, чувствуя себя всю и его всего каждой клеточкой тела... и ни одной мысли, только абсолютная зависимость и свобода одновременно.

Это ни объяснить, ни описать невозможно!

Наталья не помнила: сколько это длилось, как произошло. В себя она пришла, уже когда курила и глядела в окно...

Он ее обнял и велел ничего не придумывать.

Какое там «придумывать»!

У нее вообще мыслей не было.

Никаких! Вот так.

Вставать все равно придется, а еще – разговаривать с Антоном. Как?!

Между прочим, Даша с мамой выходят в Джанкое и целых два часа – два! – до Симферополя они будут в купе одни...

И где отсиживаться эти два часа?!

«Ната, ты идиотка! Ну, поезд, дорога, ну, выпили немного, поцеловались – бывает.

Да не бывает!

И не было со мной такого никогда. Ну, что скулить? Ему вообще, наверное, все равно, он-то голову не терял небось... Все! Он сказал тебе «не придумывай» – вот и не придумывай!»

Помолившись про себя, Ната села.

– Доброе утро, Наталья! – поприветствовала ее Устинья Васильевна. – Спускайтесь, как раз к чаю. Сейчас-то не откажетесь?

– Спасибо! Компанию с удовольствием составлю, а пить буду кофе. Только умоюсь сначала.

Антон сидел у окна, напротив, рассматривал ее и улыбался.

А ей бы не мешало переодеться. Он понял, тактично поднялся и вышел.

Наталья встала, оделась, взяла все необходимое для умывания.

– Я быстро, – пообещала она попутчицам и вышла.

Ринков стоял возле купе и ждал ее.

Наклонился и поцеловал в губы легким утренним поцелуем.

– Доброе утро!

Наталья переполошилась, смутилась, завертела головой по сторонам – нет ли кого в коридоре, собрала что-то сказать, но Антон ее опередил и поцеловал еще раз.

– Иди, умывайся, – развернул он ее и слегка подтолкнул.

Так ничего и не сказав, она послушно пошла.

Потом Наталья пила кофе, чувствуя, как все внутри разжимается от горячего напитка, звонкого голоса Устиньи Васильевны и даже запаха сирени.

Поезд замедлял ход, подъезжая к очередной станции.

– Пойду на улицу выйду, – сказала Наталья и стала выбираться из-за стола.

– Пожалуй, я тоже, – поддержал ее Антон.

Она вышла из вагона первой.

По перрону бегали люди, пытаясь продать пассажирам какие-то продукты – фрукты, пиво и много еще чего. Наталья отошла в сторону, подальше от коробейников, навязчиво предлагавших что-нибудь купить.

Закурила. Из вагона вышел Антон и направился к ней.

Она выскочила из купе, не дожидаясь его, чтобы не опираться на его руку, спускаясь с лестницы, которую он, конечно же, подал бы.

Пройдя через толпу, Антон подошел к ней.

– Может, перестанешь наконец от меня все время убегать? – с иронией поинтересовался он и, наклонившись к ней поближе, признался: – Я не быю маленьких девочек, впрочем, больших тоже не быю.

– А вдруг ты кусаешься или вообще – маньяк?

– А что, похож?

– Да бог вас, маньяков, знает. Вы все такие зага-а-дочные и под нормальных людей маскируетесь.

– Вот так гораздо лучше! – похвалил Ринков. – А то такое впечатление, что за ночь царевна превратилась в трусливую мышку.

– В лягушку, по сюжету сказки была лягушка...

– Не искушай меня, девочка, я знаю правила превращения лягушки в царевну!

– Все, все, простите, дядечка, больше не буду! – дурным голосом заныла Наталья.

Они оба рассмеялись, снимая напряжение.

Она и сама не понимала, почему бежит от него.

Трусихой она никогда не была.

Но ни один мужчина в ее жизни не затрагивал ее и не волновал так, как Антон Ринков – так глубоко и так неожиданно сильно.

И это напугало ее.

Когда они вернулись в вагон, Антон предложил Наталье пойти в ресторан, надеясь, что она откажется.

Ему было трудно находиться рядом – и не дотрагиваться до нее, не смотреть и не загадывать, как у них может все быть...

Он постоянно помнил, что через два часа они останутся вдвоем в купе, и нервничал, как подросток, посмеиваясь над собой. А в ресторан ему вообще-то надо – посмотреть, как изменилась ситуация, и изменилась ли, если там будут те, кто его интересуется.

Наталья отказалась от его предложения.

Вернувшись в купе, она сразу же забралась на свою полку. Взяла книжку и, мысленно прикрикнув на себя, попыталась читать. А потом и не заметила, как заснула.

Вот как напереживалась!

Она проснулась, когда Даша закидывала на третью полку свернутые матрасы.

– Мы уже подъезжаем, вот и убираем постели, – пояснила свои действия девушка.

Они с Устиньей Васильевной сустились, проверяли – не забыли ли чего, пересчитывали сумки.

Поезд притормаживал.

– Ну все, Наталья, до свиданья, счастливо вам доехать. Пусть у вас все будет хорошо. Вы очень красивая пара! – уверенно сказала Устинья Васильевна.

Наталья от удивления даже рот открыла.

– Что вы так смотрите? У меня глаз острый: я всегда вижу – у кого сложится, а у кого нет. Бабка моя ясновидящей была, и мне кое-что от нее в этом смысле перепало, – усмехнулась ее растерянному виду женщина и уверила: – Вы с Антоном Александровичем очень друг другу подходите, я сразу почувствовала: у вас все получится! Спускайтесь, я вас перекрещу и поцелую – на прощание и на удачу.

Совершенно обалдев от такого напутствия, Наталья спустилась вниз, подставила щеку для поцелуя и дала себя перекрестить.

Устинья Васильевна подхватила сумки, кивнула ободряюще и вышла. Даша, пропустив ее вперед, остановилась в дверях:

– До свидания, Наталья Александровна. Вы маме верьте, она еще ни разу не ошибалась. Счастливого пути!

«Вот это да! Казалось бы: совсем простецкая тетка, а смотри-ка, все углядела!» – удивилась Наталья.

Она под села к окну и смотрела, как встречаются родственники Дашу с мамой. Они обнимались, целовались, что-то весело говорили все одновременно, хохотали. И было件нятно, что прибывшим очень рады, что их давно ждут и любят...

Наталья так за них порадовалась, что на глаза набежали слезы.

Поезд тронулся, постепенно набирая ход.

В купе стояла непривычная тишина: никто не шуршал обертками, не звенел ложечкой в стакане, не предлагал чаю с вкусоностями.

Наталья думала, что вот через два часа ее тоже будут встречать и будут объятия, поцелуи, громкие разговоры и радость встречи. Перебивая друг друга, дети примутся рассказывать самые последние важные новости...

И так хорошо, так радостно, что они есть на свете, ее близкие люди, что она с ними скоро снова будет вместе, а впереди целый отпуск!

Открылась дверь, и вошел Антон.

В руках у него была бутылка крымского красного вина, фрукты и шоколад.

– Сухого не было, я взял крепленое, надеюсь, тебе понравится. Правда, за качество не отвечаю, ибо купил его на платформе. Бог их знает, что они там продают!

Перекинув все покупки в одну руку, он закрыл дверь и защелкнул замок.

Подошел к столу, поставил бутылку, положил все покупки.

Выдернул Наталью из-за стола, прижал к себе и заглянул, очень близко, ей в глаза...

Какое-то мгновение они смотрели не отрываясь друг на друга, а когда уже невозможно, совсем невозможно оказалось ждать – поцеловались.

Это было так ярко, так сильно, с каким-то пронзительным ощущением вселенского узнавания. Как будто они всю жизнь знали, что у них только так и может быть, и удивлялись: как это они не догадались раньше!

И где до сих пор были?..

И вот наконец-то, ну наконец-то, все правильно!

И страшно хочется еще, еще побыть там, где только они двое, а может, и остаться там навсегда!

Антон, не прерывая поцелуя, сел и усадил к себе на колени Наталью, отстранив ее от себя, заглянул в глаза, поцеловал в распухшие губы, а потом прижал к своему плечу ее голову.

Сердца громко бухали, как будто стучались в грудь друг к другу и просили, умоляли впустить...

– Нам надо остановиться, – ему с трудом удавалось говорить.

– Зачем? – спросила она.

– Потому что еще чуть-чуть – и я возьму тебя прямо здесь!

Она помолчала и предположила:

– Здесь, наверное, неудобно.

Он не ответил.

Отодвинул ее от себя, всмотрелся в ее лицо, поцеловал в щеки и совсем легко – в губы.

Поднял ее со своих колен и поставил. Ната держалась за его плечи – ноги у нее слегка дрожали и слушаться пока отказывались.

Ринков поправил чашечку ее лифчика, в горячке объятий сдвинутого вниз, застегнул «молнию» на ее рубашке, тоже неизвестно как и когда расстегнутую, взял нежно руками за голову, поцеловал коротко, приподнял за талию, посадил на полку напротив и почти торжественно пообещал:

– Когда мы будем в первый раз заниматься любовью, мы будем делать это в кровати, в большой кровати. Всю ночь. А если повезет и не отвлекнут дела – то и день.

Она молчала, смотрела на него.

– Давай попробуем вино и фрукты, – предложил Антон преувеличенно бодро.

Он встал, достал из своей сумки какой-то замысловатый нож и занялся открыванием бутылки.

Наталья все так же молча наблюдала за его действиями.

Ринков разлил вино, развернул пакеты с фруктами и протянул ей стакан.

Она взяла, подвинулась за стол, ближе к окну.

Они держали стаканы и смотрели друг на друга несколько мгновений, а потом чокнулись и выпили.

Вино оказалось терпким, сладким, настоящим крымским, замечательным.

– Может, ничего еще и не будет, – наконец подала голос она.

– Наталья, ну ты же умная, что ты всякую ерунду городишь? Конечно, будет! Еще как будет! – безапелляционно заявил он.

– Антон, вот мы сейчас приедем: меня встречают, тебя встречают. Тебя встречают?

Он кивнул утвердительно головой.

– Ну вот, каждый сядет в свою машину, и мы разъедемся. У тебя бизнес, у меня родственники...

– Ну и что? По-твоему, это повод, чтобы не встретиться больше? Кстати, скажи мне свой номер телефона. – Он достал сотовый, занес в память номер, который она продиктовала, и нажал кнопку вызова. Через какое-то время у Наты зазвонил телефон. Она, не очень соображая, что делает, подхватила, достала сотовый и ответила.

– Вообще-то это я звоню, – сказал Антон, нажав на отбой.

– Зачем?

– Затем, что ты так боишься меня, что запросто могла дать другой номер. А теперь скажи мне точный адрес и номер телефона твоей мамы. И запиши мой!

Она продиктовала адрес и телефон, записала его номер, убрала мобильник в сумочку и залпом допила вино в стакане.

– Ух ты! – восхитился Антон. Он налил ей еще вина и стал разламывать на кусочки шоколадку.

– Ты любишь сладкое? – спросила Ната.

– Не очень. Это для тебя.

– Я не люблю сладкое. Я люблю мясо и рыбу, а торты, мороженое, шоколад – это не мое. Бывает, захочется, но крайне редко.

– Девушка, вы полны сюрпризов, я еще не встречал женщин, которые не любят сладкое, – усмехнулся Ринков.

– Ну вот, теперь встретил, – сказала она.

Антон пересел к ней на полку, притянул ее к себе, стал нежно целовать ее лицо: веки, нос, скулы, щеки...

А потом прижал ее голову к своей груди и обнял.

– Я не знаю, чего ты так боишься, хотя догадываюсь, конечно. Ты не бойся так, Ната!

Они посидели, обнявшись, слегка покачиваясь. Антон еще раз нежно поцеловал ее и пересел на прежнее место.

От греха подальше.

– Завтра, может, послезавтра – как дела сложатся – я позвоню, и мы встретимся. И прошу тебя еще раз: не придумывай себе страшилок и всякую ерунду, не думай про то, что «так не бывает», и телефон не отключай. Ладно?

– Ладно. А что у тебя за дела такие, в Крыму? – постаралась переключиться на другую тему Наталья.

– Так, бизнес, ничего особенного, контракт на установку охранных систем. В Крыму такого уровня систем нет, вот мы и будем ставить.

– Неубедительно, – засомневалась Ната. – Здесь же президентская резиденция, президент обожает в ней отдыхать. Да и олигархи местные от него не отстают. Уж у них-то системы любые есть, уверена.

Антон в который раз поразился ее проницательности. Он так ее хотел, что постоянно забывал, какая она умненькая. Впрочем, если б она не была такая умненькая, вряд ли бы он ее так хотел. Нет, хотел бы, но не так сильно. И по-другому...

Черт! Совсем запутался!

– Ну, у президента есть, а для частных лиц – либо в Киеве, либо в Москве. Наш клиент – частное лицо, сам из Москвы, ему так удобней.

Они еще поговорили о работе – и его, и ее – потягивая вино и все время пересиливая себя, чтобы не кинуться целоваться, обниматься, трогать друг друга...

Оказалось, что совсем скоро поезд прибудет в Симферополь, и они заспешили собираться, складывать вещи, по очереди, деликатно выходили из купе, давая возможность друг другу спокойно переодеться.

И вот уже поезд подъезжает к вокзалу Симферополя, все собрано, и они готовы выходить.

Неожиданно, не сговариваясь, они вдруг снова кинулись в объятия.

Вцепились друг в друга совершенно безумно, как будто прощались навсегда!

Наконец Антон нашел в себе силы оторваться от нее, отстранился, потом опять прижал к себе, потерся подбородком о макушку.

– Ну, все, все, Наточка! Все будет хорошо! – И отодвинул ее окончательно, придерживая рукой. – Я приеду к тебе. Не вздумай выключить телефон. Он у тебя оплачен?

– Конечно, оплачен. Не отключу. Вон, меня встречают. – Она показала в окно на перрон, где стояла Вета с детьми, высматривая ее на выходе.

– Пошли, – Антон подхватил ее и свои сумки.

На улице царил жар.

Как только Наталья вышла из вагона, на ней повисли Сашка с Машкой, а через их головы Вета тоже пыталась дотянуться до нее и поцеловать.

Все говорили одновременно, смеялись дети, что-то рассказывали: как доехали, где стоит машина, как чуть не опоздали из-за Димки, который спрятался и его все искали, пока не нашли в шкафу, и ведь умудрился же дверцу закрыть изнутри! Как все хохотали, потом спохватились, и пришлось быстро ехать, чтобы успеть к поезду.

И они чуть не опоздали.

«Слава богу! – подумала Наталья. – А то бы наблюдали «прощание славянки», от Ветки бы ни за что не отвертелась, пришлось бы рассказывать... А что рассказывать?»

Заряжаясь шумным восторгом родных, обнимаясь и целуясь, хохоча вместе с ними, она не выпускала из поля зрения Антона, все еще чувствуя на губах вкус их обжигающего прощального поцелуя...

Его встречал толстенький бодрячок, одетый в легкий летний костюм. Он суетился, забрал у Антона вещи, пухлой ручкой махнул в сторону выхода, пошел вперед и остановился, когда Антон ему что-то сказал.

И Наталья с замиранием сердца увидела, что он идет к ним.

Она вдруг перепугалась ужасно: что он скажет, как поведет себя и что ей говорить, как себя держать?

– Здравствуйте, – солидно и спокойно поздоровался он и представился: – Я – Антон Александрович, попутчик Натальи Александровны. Мы с ней очень подружились. А вы, как я понял, ее сестра, Светлана Александровна, а это – Александр и Мария. Она о вас рассказывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.